

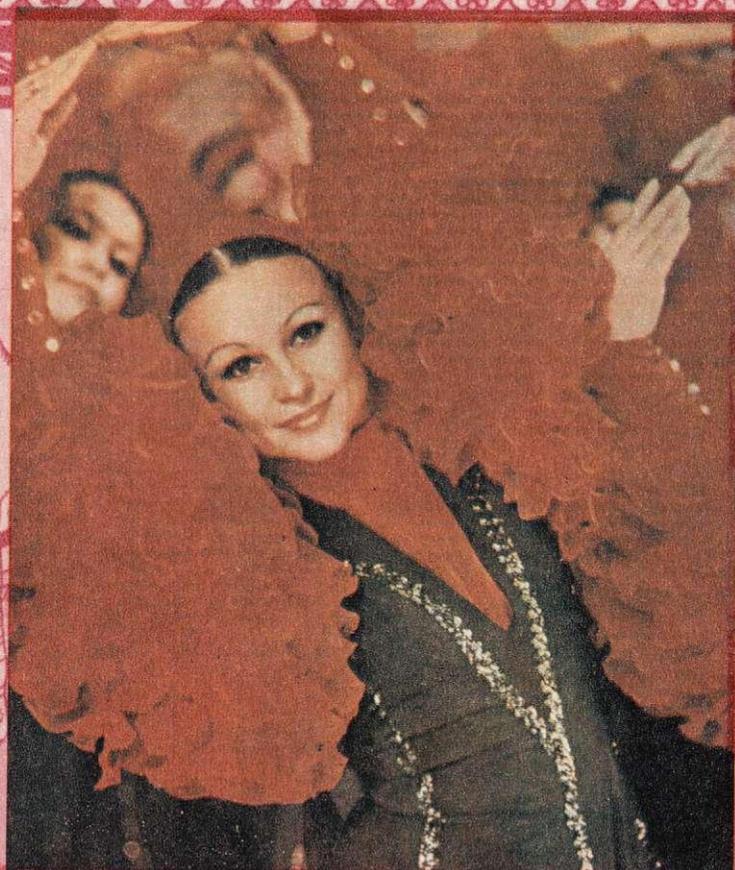
ISSN 0023-219X

ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

Клуб

15-1984
АВГУСТ

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КЛУБ

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общественно-политический и научно-методический журнал ВЦСПС и Министерства культуры СССР

15 (645)
АВГУСТ
1984

Год издания
тридцать четвертый
Выходит
два раза
в месяц

Главный редактор
Л. Я. Алексеева.

Редакционная коллегия:
К. И. Аксанов,
ответственный секретарь,
Ю. И. Бокань,
А. И. Касков,
В. Н. Костецкий,
А. П. Осипов,
Р. А. Папилов,
О. Я. Ремез,
А. Г. Романов,
В. С. Сергутин,
Ж. Ж. Смелова,
В. М. Стриганов,
В. В. Сухорадо,
Л. Н. Тюников,
Р. В. Уваров,
Г. И. Щербина,
зам. главного редактора.

Номер вела заместитель
ответственного секретаря
С. В. Пацюкова.

Главный художник
А. Б. Бобров.

Художественный редактор
Б. Г. Манвелидзе.

Технический редактор
Л. М. Литвиненко.

ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ

Вкладные пластинки
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия».

Адрес редакции:
117393, Москва,
Старокалужское шоссе, 1.
Телефон: 128-83-29

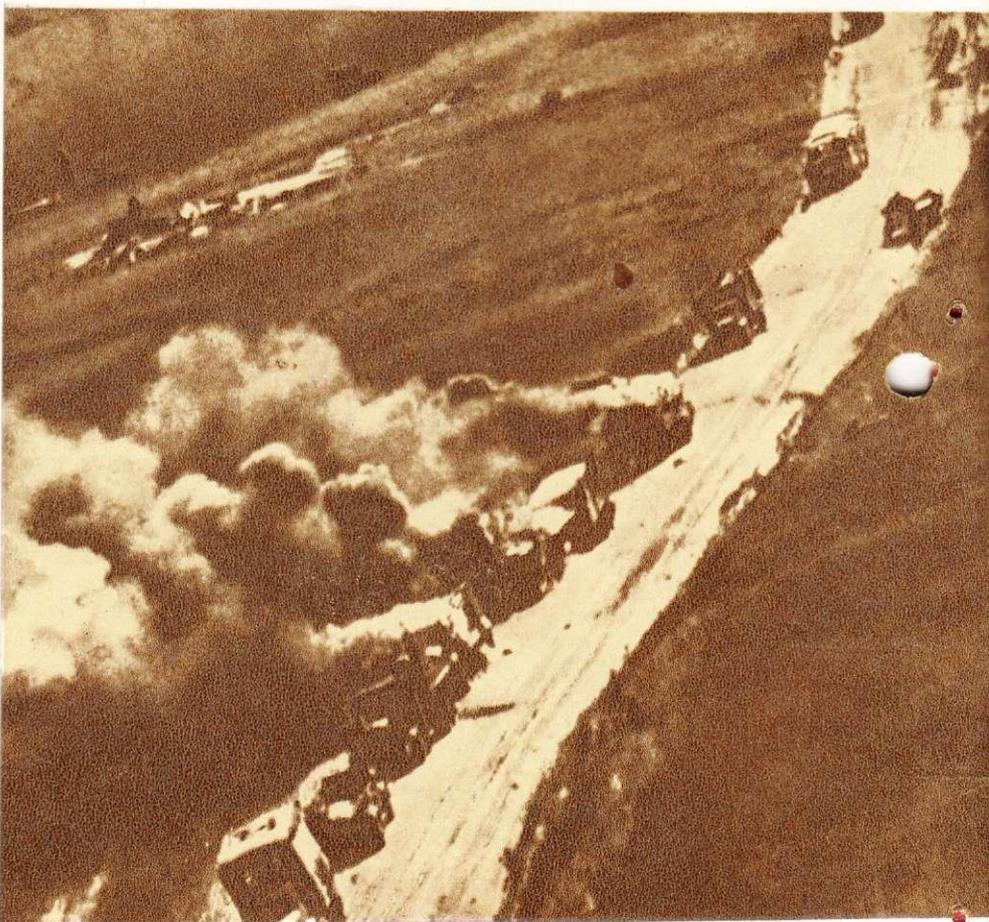
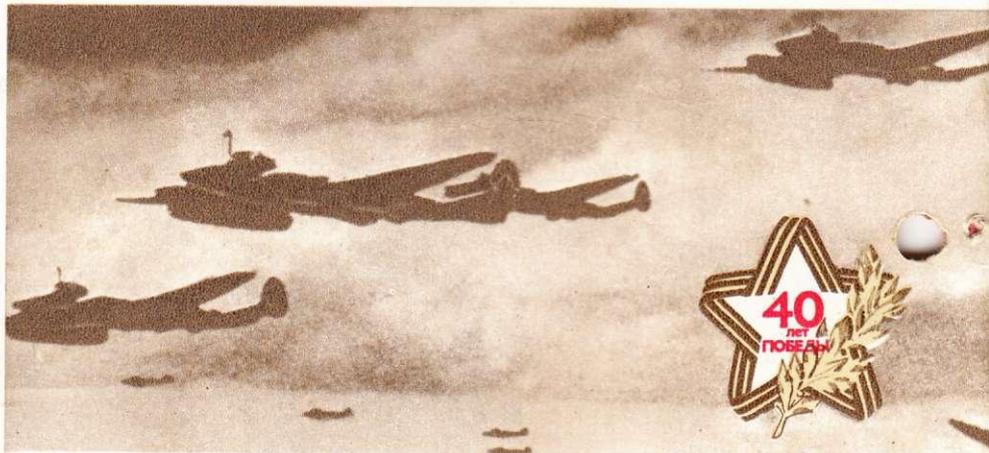
Сделано в набор 08.06.84. Подписано к печати 02.07.84
А-04949. Формат 60×90¹/₂. Печать глубокая. Усл.
п. л. 4. Уч.-изд. л. 7,10. Тираж 110 065 экз.
Зак. 9246. Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 3 имени Ивана Фе-
доровца Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
191126, Ленинград,
Звенигородская, 11.

© «Клуб и художественная
самодеятельность», 1984

Идя навстречу знаменательному юбилею —
40-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне, — надо шире
развернуть работу по военно-патриотическому
воспитанию.

Следует с еще большей настойчивостью
воспитывать у молодежи чувства любви к Родине
и ненависти к ее врагам,
высокую политическую, классовую бдительность,
постоянную готовность к подвигу.

Генеральный секретарь ЦК КПСС
К. У. Черненко

Воспитывать правдой

Вячеслав Кондратьев,
писатель

Еще совсем недавно мы не слыхали о таком писателе — Вячеславе Кондратьеве. А сейчас зачитываемся его повестями и рассказами, с нетерпением ждем новых произведений. Кондратьев — мастер современной прозы. Но не занимательность сюжета главное ее достоинство, а удивительная достоверность описываемых событий, абсолютная авторская честность. Он пишет о войне. Его герои — юноши, почти мальчишки, ушедшие на фронт со школьной скамьи. Они одновременно стойки и ранимы, бесстрашны в бою и уязвимы в обычных человеческих отношениях, не имея жизненного опыта, приобрели опыт ненависти к врагу и потерь. Книжки Кондратьева не залеживаются на библиотечных полках, они часто становятся поводом для читательских диспутов, обсуждений на заседаниях клубных литературных кружков и объединений. Вячеслав Кондратьев — герой нашей очередной клубной встречи.

Корреспондент.

Вячеслав Леонидович, за всеми вашими произведениями угадывается автобиографичность или, во всяком случае, рассказ о людях очень близких, хорошо знакомых. Но мы, читатели, начинаем следить за судьбами ваших героев лишь с последних предвоенных месяцев и далее — уже во фронтовых перипетиях. А что было с ними (а значит, и с вами) раньше? Как, под чьим влиянием формировались их личности? Что воспитало их именно такими, какими вы их нам представили? И что сближает или отличает ваших мальчишек от сегодняшнего молодого поколения? Словом, я прошу вас вернуться более чем на полвека назад и вспомнить не юность даже, а свое детство.

В. Кондратьев.

Не берусь судить от лица целого поколения. Мы ведь были очень разные, мальчишки рождения первых лет революции, а каждая социальная среда, городской или сельский уклад формировали людей по-своему, так же, как это происходит и сейчас. Я лично был типичным мальчиком из семьи трудовой интеллигенции. Отец и мама очень много работали, отец, по профессии инженер-строитель, к тому же постоянно уезжал в командировки, и моей «средой обитания» были дворы, переулки и улицы Сретенки, что нетрудно, видимо, понять из моих произведений, все герои которых отсюда уходят на фронт, а кому посчастливилось — то сюда и возвращаются и на войне вспоминают именно этот уголок старой Москвы. Булат Окуджава в своих стихах и песнях очень точно передал навсегда уже, видимо, исчезнувший микроклимат старых московских дворов, только он пишет об Арбате, а моя малая родина — Сретенка. В этом микроклимате мы росли, взрослели, мужали, постигали законы мальчишеской чести, которые, как впоследствии выяснилось, были слепками с общих законов справедливости и добра. И вот ведь какая странная вещь: в нынешнее время дворовые, уличные, подъездные компании стали признаком неблагополучного воспитания подростков. Родители и педагоги от них в ужасе, журналисты пишут тревожные статьи, и не без основания. Хотя наверняка почти все родители, журналисты, учителя сами в детстве прошли через дворовые дружбы, через них приобрели какую-то часть жизненного опыта, пристрастий и увлечений. И это естественно: ребенка не привяжешь к ноге, не лишишь полностью прогулок, уличных игр, общения со сверстниками из соседних квартир и подъездов. Мне думается, всякого рода неблагополучие, дурные и жестокие привычки, выносимые сегодня ребятами из таких компаний, — это уже вторичный результат: аморальность сначала привносится в компанию извне, нередко из той же семьи...

И не в том даже дело, что в нынешних семьях детям уделяется мало времени, — нам его, уверяю вас, уделялось еще меньше. Работа у наших родителей отнимала много часов и сил; больше было у них хлопот по хозяйству, которого не коснулись такие блага цивилизации, как центральное отопление, горячая вода, холодильники, газовые плиты; наконец, в семьях было больше детей, которых требовалось накормить, обшить, обшить... Но ведь воспитание — не какой-то отдельный, специально выделенный процесс, а вся окружающая жизнь, атмосфера родительского дома, нравственные критерии, по которым живут рядом с детьми взрослые.

В той моей далекой, довоенной жизни я никогда не слыхал ни от своих родителей, ни в семьях своих друзей разговоров о вещах, о том, кто что приобрел, кто во что одет, кого повысили по службе, и так далее. Может, такие разговоры и велись, но никогда — при детях. Сейчас же подобные обсуждения стали во многих семьях нормой жизни. То, что дети слушают, воспринимают, запоминают, а те, кто постарше, и сами принимают участие в разговоре, родителей нисколько не смущает. Меня подобные ситуации угнетают. Хотя, с другой стороны, я не снимаю ответственности за все это с нашего поколения. Мы сами, прошедшие войну, разруху, голод, долгую неустроенность, делали все возможное, чтобы нашим детям жилось как можно легче, сытнее, удобнее, нам хотелось дать им вдоволь всего, чего недополучили мы. Стараясь прежде всего вкуснее их накормить, красивее одеть, некоторые из нас посчитали, что наш образ мыслей, наши духовные интересы передадутся сыновьям и дочерям сами собой, впитаются в них с молоком матери.

Но получилось в этих случаях то, что и должно было получиться: любовь к бытовому комфорту привилась прочнее всего, стала эквивалентом душевного комфорта. А дальше — как снежная лавина: общий материальный уровень жизни растет, возможности приобретений и накоплений увеличиваются, и

► если к тому же у человека с юных лет развита потребность иметь, то в дальнейшем все его интересы, все разговоры — вокруг этого. А у него уже подрастают свои дети, которые, конечно же, перенимают у матери и отца их жизненные идеалы: обеспеченность, обладание дорогими вещами становятся для них вопросом престижа. Все понятия смещаются: машина из способа передвижения превращается в «визитную карточку», какая-нибудь арабская мебель из бытового удобства обрачивается вдруг неким знаком «кастовой принадлежности». А духовные идеалы так и остаются зачастую чем-то абстрактным, до конца не уясненным. И очень трудно объяснить людям, подхваченным этой «лавиной», что они совершают... глупость. Слишком коротка наша жизнь, чтобы позволить вещам властвовать над нами... Впрочем, я в своих размышлениях далеко ушел от моих довоенных сретенских переулков и дворики, от наших мальчишеских компаний.

Дети, прежде чем зажить самостоятельной жизнью, живут отраженной жизнью родителей. Наши родители сами были типичными детьми своего времени. Они жили трудно, напряженно, порой бедно, но как-то светло и уверенно, не отчаиваясь из-за мелочей и даже настоящих бед, умели удивляться, радоваться, надеяться и верить. И так же жили мы, их дети. Сегодня, с высоты прошедших лет, я понимаю, что не всегда нам хватало умения анализировать происходящие явления, но зато отчаянная небоязнь жизни, в которой мы воспитывались, очень пригодилась в тех испытаниях, через которые нам суждено было пройти.

Из всего, что я сказал, не сделайте только превратного вывода, что наше поколение я противопоставляю поколениям более молодым: вот, мол, смотрите, какими были мы, а что из себя представляете вы?.. Ни в коем случае! Да, у меня естественная ностальгия по своей юности. Да, я с тревогой замечаю у некоторых юношей и девушек какие-то отрицательные черты, которых не было в молодости у нас. Но я также вижу, что в очень многом мы похожи. И вижу возросшую общую эрудицию сегодняшних молодых людей, их стремление последовательно и логически разобраться во всех происходящих событиях и явлениях. Наконец, поколения, пришедшие вслед за нами, совершили и совершают дела большие, трудные, нужные. Они избежали горя и опасностей войны, но легкой и беззаботной их жизнь не была.

Корреспондент.

Вячеслав Леонидович, характерная для вашего поколения черта — готовность к подвигу. Это не красивая фраза, а непреложный факт. Как воспитывается в человеке такое внутреннее состояние?

В. Кондратьев.

Видите ли, «готовность к подвигу» — это все-таки сказано слишком торжественно... Конечно, хотелось совершить что-то героическое, чтобы все кругом ахнуло, мы совершенно искренне завидовали участникам гражданской войны. Но самая суть нашего внутреннего настроя несколько иная.

Я недавно перечитал сохраненные мамой письма, которые я написал еще до того, как попал на фронт (меня призвали в армию в 1939 году, я служил на Дальнем Востоке, там застала меня война, и уже оттуда нашу часть перебросили на Запад). По дороге на передовую я написал стихи. Их смысл: готовность погибнуть за Родину. Дело в том, что мы очень хорошо понимали, что такое фашизм, насколько он омерзителен и же-

сток. Позволить ему поработить нашу страну? Даже мысль об этом была непереносима! Уж лучше, действительно, умереть... Значит, оставался единственный выход: биться с фашистами, не щадя ни сил, ни жизни. То есть не подвиг ради подвига, а осознанный выбор, когда поступить как-то иначе — невозможно.

Фашистские режимы и партии по-прежнему существуют в Латинской Америке, Западной Европе и на африканском континенте. Это самое реакционное, самое бесчеловечное и патологическое проявление империалистической идеологии. Обязательная «примета» фашизма — человеческие жертвы в прямом смысле, и в переносном — полное моральное растление тех, кто исповедует его теорию. Фашизм обещает обывателю сладкую жизнь, богатство, власть, внушает ему идею «надчеловека», тем самым полностью перечеркивая принципы равенства, демократии, гуманизма. Это все страшно, но об этом нужно неустанно говорить, не боясь самой жесткой правды, не запугивая, но и не избегая суровых реалий. Истинное знание необходимо для формирования у людей, особенно молодых, твердых убеждений и умения смотреть опасности в лицо.

Корреспондент.

Суровая, ничем не приукрашенная реальность — это и ваш творческий писательский принцип. Именно «окопной правдой», как выразился кто-то из критиков, вы поразили читателей, и тех, кто сам прошел фронт, и тех, кто знает о тех годах лишь понаслышке. Думаю, я далеко не первый человек, спрашивающий вас, почему ваши произведения появились столько лет спустя после войны и как не растерялась острота виденного, выстрадавшего, пережитого?

В. Кондратьев.

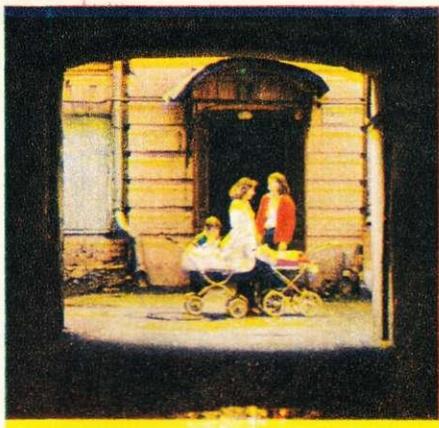
Начну отвечать с конца. Остроту пережитого на войне невозможно, даже если очень сильно этого захотеть, ни выветрить из памяти, ни перебить никакими другими ощущениями. До сих пор бывшим фронтовикам снятся окопы, взрывы, смерть друзей... Просто не каждый умеет высказать свои чувства.

В первые годы после войны действовал как бы всеобщий негласный сговор: вспоминать об одержанных победах, о ярких подвигах, о фронтовом братстве, но не об отступлениях и окружениях, не о тяжелых жертвах и потерях. Слишком близок был ужас пережитого и не хотелось «сыпать соль» на свежие еще раны.

Прошло время, появились «Батальоны просят огня» и «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Обелиск» и «Третья ракета» В. Быкова, «Живые и мертвые» К. Симонова, вышел на экраны фильм «Баллада о солдате»... И оказалось, что суровая правда не умалила, наоборот, подчеркнула величие Победы и высветила самое главное — каждодневное, негромкое и стойкое солдатское мужество.

Все то, о чем я пишу сейчас, я хотел написать сразу же после возвращения с фронта. Почему же не написал? Меня мучила «трагедия немоты», состоящая в том, что тебе есть что сказать, но ты не знаешь как. Лежали в столе 300 страниц рукописи — воспоминания о пережитом, однако показать их даже-либо и кому-либо я не решился. Чувствовал, что это еще очень далеко от настоящей литературы. И хотя мне, как и всем, наверное, хотелось рассказать о своей войне, я стал не литератором, а художником-плакатистом. Но не писать тем не менее не мог.

На 20-летие со дня моего первого боя с фашистами я решил

съездить на то место — под Ржев. Приехал. Прежде всего поразился тому, как многое здесь напоминало о войне, будто и не прошло двух десятилетий: кругом воронки, окопы, стреляные гильзы, каски, даже человеческие черепа. Такую сильную, незаживаемую отметину оставили бои... И все прошлые события, до самых мелких подробностей, вдруг ожили во мне, словно произошли только что, и — это не громкие слова — на меня наконец нашло озарение: я понял, как я должен писать.

А та, 300-страничная рукопись жива до сих пор, многие сюжеты для своих произведений я взял из нее. Первой увидела свет повесть «Сашка». Некоторые читатели и критики говорили, что слишком уж жестокий в своем реализме фронтовой быт я обрисовал, нельзя ли смягчить краски, что-то, может быть, недосказать... Но жестокость описания вовсе не являлась для меня самоцелью. Дело в том, что я рассказывал об одном из самых трагических эпизодов Великой Отечественной войны — долгом и кровопролитном противостоянии наших и гитлеровских войск под Ржевом в 1942 году. Рассказывал всего лишь скрупулезно честно и писать по-другому не мог, стремился ни в чем не обмануть своих будущих читателей.

Я сам воспитывался на великой правде, реализме русской литературы. Многим из того хорошего, что есть во мне, я обязан нашим классикам. Произведения Достоевского навсегда стали для меня своеобразным кодексом нравственности. Благодаря Тургеневу я через всю жизнь пронес трепетное отношение к женщине. Уроками патриотизма — иначе я не могу назвать «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир» Толстого. В годы, когда я учился в школе, в учебниках истории события до 1917 года излагались скороговоркой. Перекос этот давно исправлен, но наше поколение познавало национальные традиции патриотизма с помощью русской литературы и, пожалуй, прежде всего, из произведений Пушкина и Гоголя. Они — точное отражение русской действительности, благодаря им осознаешь, сколь велик, талантлив, самобытен наш народ. И конечно же долг писателей сегодняшнего дня — продолжать эти лучшие традиции отечественной литературы, создавать не легкое, развлекательное чтиво, а произведения, которые тревожили бы души, учили людей размышлять, несли ответы на вечные вопросы о смысле жизни, которые мучают каждое новое поколение. Не случайно и в Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы подчеркивается важность такого предмета, как литература, говорится о совершенствовании ее преподавания.

...Я счастлив, что к моей первой повести тепло отнесся бывший фронтовик Константин Симонов, написавший к ней предисловие, что напечатал ее журнал «Дружба народов», главный редактор которого Сергей Баруздин тоже прошел войну до последнего дня.

Корреспондент.

Ваши повести «Сашка» и «Отпуск по ранению» стали еще и пьесами, которые идут во многих театрах, в том числе и на самостоятельных сценах...

В. Кондратьев.

И мне очень понравились, больше даже, чем на профессиональных сценах, их постановки в народном молодежном театре Дворца культуры профсоюзов Волгограда и в самостоятельном молодежном театре имени Ленинского комсомола во Львове. Я увидел правду, захватившую меня и перенесшую на 40 лет назад, под Ржев, к моим живым и погибшим това-

рищам. А еще ценнее было ощущение, что совсем молодые ребята чувствуют то же, что и мы тогда, что совпадают наши мысли, наше понимание жизненных ценностей, что у нас общая ненависть к войне и общая память о не вернувшихся с нее. То есть мы, представители поколений уже даже не отцов и детей, а дедов и внуков — одной крови и одних убеждений.

Корреспондент.

Вячеслав Леонидович, над чем вы работаете сейчас?

В. Кондратьев.

Недавно в журнале «Дружба народов» была опубликована моя повесть «Встречи на Сретенке». В ней действуют многие герои «Отпуска по ранению», но уже в мирной Москве первых послевоенных месяцев 1945 года. Хочу продолжить историю людей моего поколения, уцелевших на войне и вернувшихся с нее. Когда прошло первое счастливое опьянение Победой, оказалось, что долгожданная мирная жизнь отнюдь не безоблачна, что война еще долго будет отдавать рикошетом и раны от нее зарубцуются нескоро. Но постепенно все вставало на свои места, вокруг столько всего свершалось интересного, важного, нового. Я почему-то необыкновенно отчетливо помню те годы, те свои мысли, встречи, разговоры... Вот об этом и пишу.

Корреспондент.

Наша страна готовится отметить 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Для многих живущих сегодня людей мирная жизнь — единственная, которую они знают, и это огромное счастье. Однако обстановка на планете беспокойная, американский империализм готов ввергнуть человечество в новую катастрофу...

В. Кондратьев.

И все-таки я хочу верить, что этого не произойдет. Вспоминаю предвоенные годы — в самом воздухе, казалось, была разлита тревога. Легкомыслие, с которым многие правительственные круги Запада воспринимали Гитлера, было по меньшей мере удивительно, и мы, советские люди, прекрасно понимали, что единственная реальная сила, способная встать на пути фашизма, — это наша страна и, значит, рано или поздно военное столкновение неизбежно.

Сейчас обстановка в мире иная. За последние 40 лет человечество, я бы сказал, повзрослело, стало разумнее и трезвее оценивать действительность. А действительность такова, что третья мировая война — бездна, которая поглотит вся и всех и шанс на спасение у каждого человека, в какой бы стране он ни жил, к какому бы социальному слою ни принадлежал, ничтожно мал. К тому же движение сторонников мира сегодня — это не отдельные факты, а последовательный и мощный процесс, с которым невозможно не считаться. Во главе этого процесса стоит наша страна, стоит твердо и уверенно. Потому я верю в победу разума и добра.

Продолжение встречи с писателем Вячеславом Кондратьевым на первой вкладной пластинке номера.

Публикацию и пластинку подготовила Г. Облезова

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

И. Никонов,
заместитель
заведующего
культурно-
массовым
отделом ВЦСПС

Уже в первые годы Советской власти В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость создания в сфере культурного обслуживания «единой планомерной организации», которая целенаправленно сочетала бы в себе различные виды культурно-воспитательной работы и обеспечивала единство территориального, ведомственного и производственного подхода.

Ленинское положение в той или иной мере воплощалось в жизнь, например при проведении различных городских, районных, отраслевых праздников, фестивалей. Но эта деятельность носила, как правило, временный характер. Сейчас можно со всей определенностью сказать: постоянное тесное взаимодействие различных учреждений, организаций, обществ, в обязанности которых входит идейно-политическое, трудовое, нравственное, эстетическое и физическое воспитание трудящихся, стало возможным благодаря созданию культурно-спортивных комплексов.

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул задачу дальнейшего совершенствования деятельности учреждений культуры и спортивных организаций, использования их материальной базы с максимальной отдачей независимо от ведомственной принадлежности. Решение этой задачи качественно улучшит культурно-воспитательную и физкультурно-оздоровительную работу среди населения, поможет найти пути дифференцированного подхода к различным группам и категориям трудящихся. Позволит в равной степени заботиться как о нравственном здоровье людей, так и о физическом.

Уже давно доказана тесная взаимосвязь здоровья и культуры человека с его производственными делами. «Как отдохнешь, так и поработаешь», — гласит народная мудрость. И закономерность соединения усилий учреждений культуры и спорта, преимущество их сотрудничества очевидны.

Но важно определить оптимальные варианты структуры КСК, возможность взаимодействия входящих в него учреждений, для того чтобы найти наиболее эффективные пути дальнейшего развития комплексов, придать их работе планомерный характер. С этой целью проведены зональные семинары-практикумы в Тульской, Горьковской, Омской и Днепропетровской областях. Их участники ознакомились с моделями районных, городских и сельских КСК. Убедились в реальности использования для совместных дел материальной базы и штатов Дворцов и Домов культуры, сельских клубов, библиотек, общеобразовательных, музыкальных и спортивных школ, Дворцов пионеров, киноустановок, стадионов.

Конечно, комплексы возникли не на пустом месте. К примеру, когда щекинские городской и районный исполкомы Тульской области принимали решение о создании КСК, в районе уже несколько лет действовали сельские и городские комплексы. На схеме 1 изображены составляющие районного комплекса.

Руководящим органом районного культурно-оздоровительного комплекса стал координационный совет во главе с первым заместителем председателя горисполкома Н. Н. Череповым. В совете — представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов города и района, учреждений культуры, отдела народного образования, спорторганизаций. Совет координирует различные направления культурно-воспитательной работы, рассматривает и утверждает перспективные и текущие планы, контролирует их выполнение. Обсуждает сценарии и программы массовых праздников. Для более компетентного решения столь разнообразных вопросов

при совете создано шесть секторов. Управление Щекинского РККС изображено на схеме 2.

Наивно полагать, что достаточно механически наложить указанные схемы на местные условия — и заработает КСК. В процессе формирования и налаживания деятельности культурно-спортивных комплексов возникают вполне понятные трудности. Ведь в единый организм вливаются разнородные учреждения. При этом, как известно, сохраняется их функциональное назначение, ведомственная принадлежность и финансово-хозяйственная самостоятельность. Практика показывает, что достигнуть полной гармонии в таком случае можно только при обоюдной заинтересованности культработников и трудовых коллективов, которые они призваны обслуживать. Организационной основой этих отношений может стать межведомственное соглашение о создании КСК. Оно уже опробовано на практике, в частности в Днепропетровской области.

Соглашение помогает решить и вопросы финансирования. Опыт, с которым ознакомились участники семинаров-практикумов, показал, что наиболее правильный путь — централизация части денежных средств производственных объединений, заводов, фабрик, шахт, колхозов, совхозов, других учреждений и организаций, обслуживаемых комплексом. Они перечисляют определенную сумму из фонда социально-культурных мероприятий на расчетный счет исполкома районного, городского, сельского или поселкового Совета народных депутатов. Поступления могут быть различными в зависимости от потребности КСК. Но в большинстве случаев нужды комплекса вполне удовлетворяются, если перечисляется по три процента. Ведь КСК имеют еще и спецсредства, которые образуются в результате отчислений доходов за платные услуги, предоставляемые населению. Смету расходов составляет координационный совет комплекса, утверждает ее исполком местного Совета народных депутатов.

Жизнь показала, что сложности при создании комплексов возникают чаще не при решении финансовых вопросов, а при определении базового учреждения КСК. Начинаются споры между государственными и профсоюзными органами за приоритет в комплексе. Хочу объяснить, что учреждение культуры следует считать базовым прежде всего благодаря его устоявшемуся авторитету, активности, умению организовать работу, а не по ведомственному признаку. В одном комплексе это Дворец культуры горняков, в другом — городская центральная библиотека, в третьем — музыкальная школа, в четвертом — ДК машиностроителей. В центре, как правило, РДК. Важно, чтобы это был по-настоящему методический центр, который мог бы помочь своим партнерам. Между учреждениями, входящими в комплекс, нет хозяйственной или финансовой зависимости. Все равны. Ведь в совместно проводимые мероприятия каждый вкладывает творческие возможности работников, денежные средства. Всех объединяет общая заинтересованность.

Если внимательно проанализировать материалы, опубликованные в печати о культурно-спортивных комплексах (в частности, в журнале «КХС», 1984, № 3, 6, 9), выступления различных категорий работников на зональных семинарах, приходишь к выводу, что многие из них в основном ориентированы на решение проблем в условиях села. И это понятно, ибо проблема культурно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы среди сельского населения, особенно молодежи, решается пока еще медленно и недостаточно эффективно. В стране создано около 500 районных и 3 000 сельских КСК, но их было бы больше при условии более тесных контактов комитетов профсоюза с учреждениями системы Министерства культуры СССР и организациями Спорткомитета СССР.

Нынешний колхозник, рабочий совхоза — культурный, образованный человек, живущий интересами своего времени и государства. Механизация, автоматизация, индустриальная технология создали для него широкие возможности развиваться духовно и физически. И нам надо учитывать существенные изменения условий жизни на селе, налаживая досуг сельских жителей.

Случается, те, кто еще не имеет комплекса, сомневаются: «Ну что он нам даст? Клубы останутся клубами, школы — школами. Что изменится? Для чего столько всяческих преобразований затевать?»

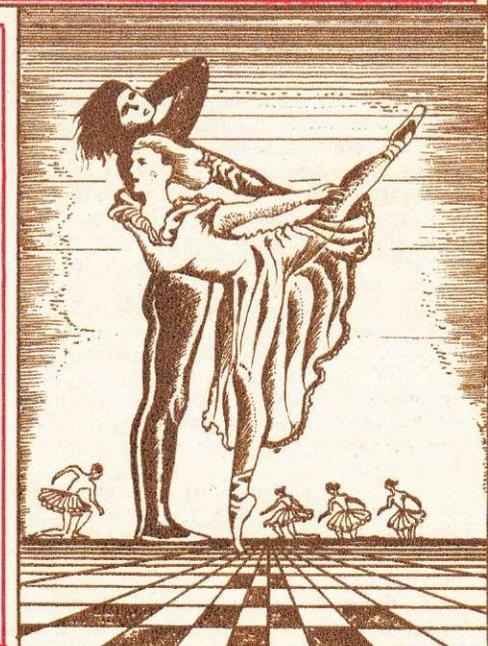
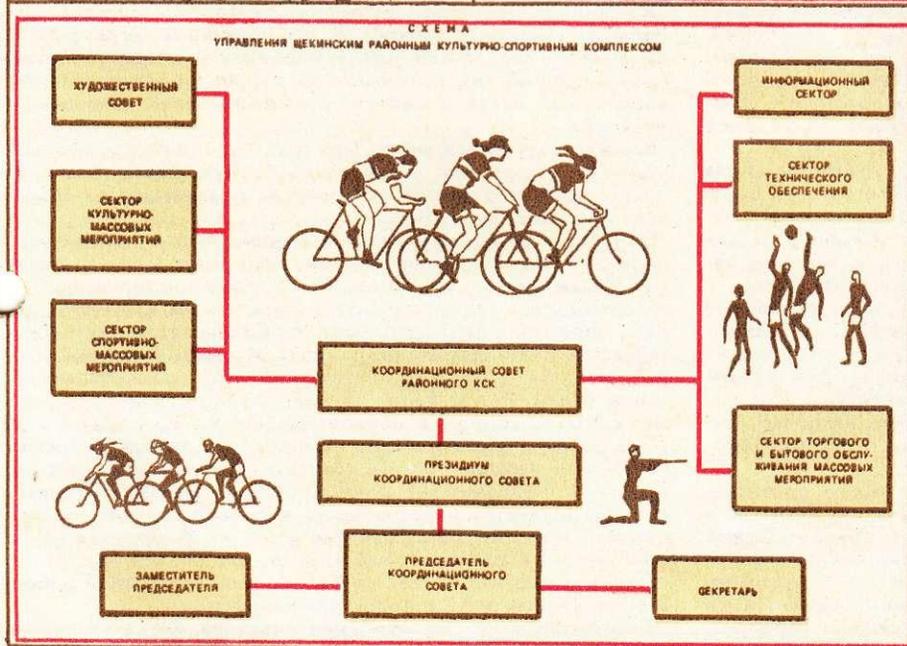
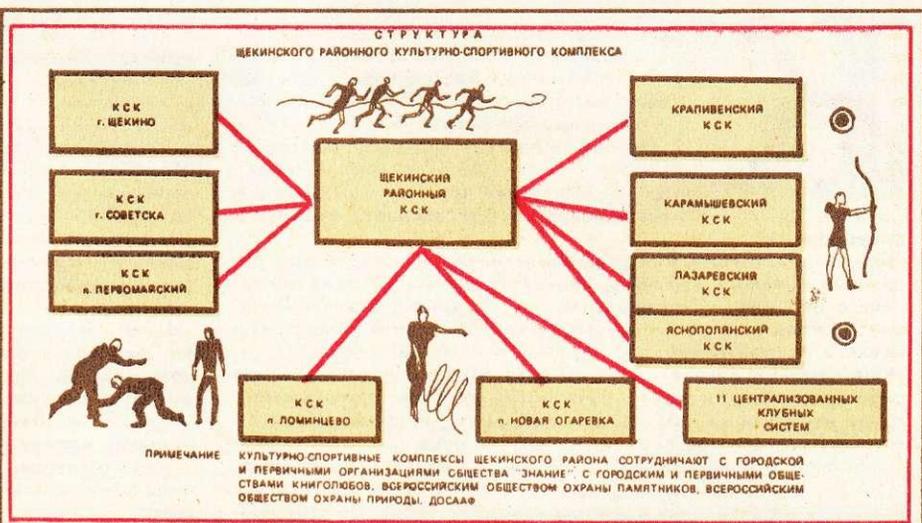
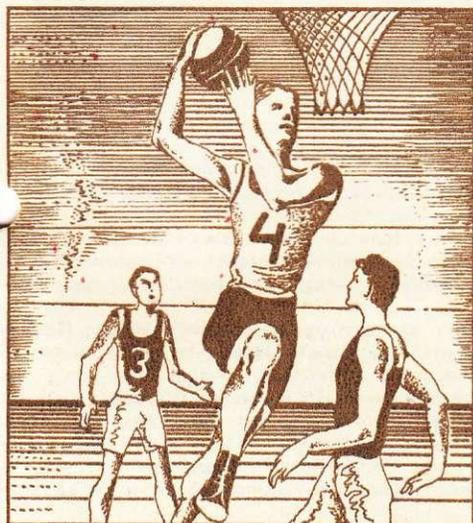
Как всякое новое дело, образование КСК требует творческого подхода, учета местных возможностей, не терпит формализма и поспешности. Однако уже сегодня можно говорить о результатах. Вот, к примеру, что показал анализ работы комплекса совхоза «Жердевский» Щекинского района Тульской области. За последние два года здесь вдвое выросло количество тематических вечеров и диспутов, спортивных праздников типа «Папа, мама, я — спортивная семья». Стали традиционными общесовхозные праздники первой борозды, урожая, день лыжника, праздники улиц... А главное — повыси-

лось их качество. Причем подготовленные мероприятия проводятся сначала в базовом, Жердевском ДК, а затем в селах Лапино, Орлово, поселке Редочь. Поэтому увеличение в полтора раза участников самодеятельности, членов клубов по интересам, людей, систематически занимающихся физкультурой, жердевцы считают закономерным. Для того и комплекс возник, чтобы людям стало жить интереснее, говорят они.

И конечно, не правы те, кто склонен воспринимать создание комплексов лишь как «смену вывески». Нет, совсем иным содержанием наполняются даже, казалось бы, привычные, «обкатанные» мероприятия. Потому что думает о них не одна голова. И делают много пар рук. Есть очень популярный среди женщин поселка Первомайский Тульской области клуб «Грация». Чем он отличается от традиционных клубов «Здоровье»? Те же занятия гимнастикой, плаванием, бегом, лыжами, которые организует Дом спорта. Но каждую неделю в клуб «Грация» приходит работник Дворца культуры химиков и проводит с женщинами урок хореографии. Специально для них устраиваются беседы, киновечера, встречи с косметологами и модельерами, походы, экскурсии. Ведь женщина должна быть

мерно. Особенно это относится к новым жилым районам и микрорайонам крупных промышленных городов. Поэтому надо серьезно заняться созданием КСК (наряду с городскими и районными культурно-спортивными комплексами) на крупных промышленных предприятиях, имеющих для этого материально-техническую базу.

В этой работе более активное участие должны принимать городские, областные советы ДСО, спорткомитеты и ведомственные физкультурные организации. Они призваны обеспечивать разработку и реализацию планов массово-спортивной и физкультурно-оздоровительной работы всех объектов, входящих в состав КСК, принимать меры по коренному улучшению качественного уровня проведения дней физкультурника, лыжника, спартакиад, сдачи норм на значок ГТО. Потому что хотя и приятно иметь своих мастеров и чемпионов, но куда важнее массовость нашего спорта. Пусть на лыжню, на беговую дорожку выйдут сотни, тысячи людей. Они не покажут высоких спортивных результатов, но зато подышат свежим воздухом, наберутся сил для предстоящей трудовой недели. С созданием комплексов появилось больше возможностей для

не только здоровой, но и красивой, гармонически развитой. Поэтому на базе клуба «Грация» проводятся музыкальные вечера у камина, поэтические чтения при свечах, готовят которые помогают библиотекари, педагоги детской музыкальной и общеобразовательной школ. Конечно, один Дом спорта не смог бы предложить членам клуба такую разнообразную программу.

Проблемы, характерные для сельского культурно-спортивного комплекса, не менее остры и для городского. Тем более, что большую часть населения страны составляют жители городов и их удельный вес будет постоянно возрастать. Сеть же учреждений культуры и спорта развивается крайне неравно-

охраны здоровья трудящихся, и их надо активнее использовать.

В речи на февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь нашей партии К. У. Черненко подчеркнул важность творческого подхода к решению проблем не только хозяйственного, но и культурного строительства. Поиск и внедрение наиболее эффективных форм культурно-массовой и физкультурно-оздоровительной деятельности, превращение каждого клубного и спортивного учреждения, входящего в КСК, в подлинный центр культуры, духовного и физического обогащения людей — одна из важных задач советов и комитетов профсоюзов.

Е. Климов,

член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, заведующий кафедрой психологии труда и инженерной психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Человек сделал чашу и наполнил ее родниковой водой, чтобы напиться. Это труд, скажем мы. Но вот на досуге он украсил чашу росписью, покрыл лаком, и заиграла на глянцевых боках ее прозрачная влага всеми цветами радуги... Издавна в весьма не простых отношениях были сложные и многогранные понятия: ТРУД и ДОСУГ. А как они будут соотноситься в будущем? Насколько труд может влиять на содержание досуга? Какую роль в регулировании этой зависимости будет играть клуб? Изменятся ли его функции?

К

луб прежде всего ассоциируется у нас с досугом, отдыхом, свободным временем. Но мне, человеку, занимающемуся проблемами психологии труда, хотелось бы посмотреть на клуб под несколько иным углом зрения.

Раньше бездельем называли. «Толочь воду в ступе» — не из списка ли стародавних наказаний пошло это выражение, означающее бессмысленное времяпре-

провождение?..

Современные ученые проводили исследования подобного рода. Они пытались выяснить, сколько времени человек может ничего не делать. Оказалось, не так уж много. Буквально через несколько дней испытуемый тяготился своей ролью: становился раздражительным, нервы его были напряжены.

Еще Сеченов доказал, что наиболее быстрое восстановление работоспособности одной руки после долгого утомительного труда наступает не при полном покое, что, казалось, было бы естественно, а когда поработает другая рука.

Собственно, к какому виду досуга мы бы ни обратились, прежде всего он будет характеризоваться деятельностью. Взять самообразование в широком смысле слова. Но этот процесс коллективного ли, индивидуального ли освоения культуры есть тоже труд. Посещение музеев, концертов, спектаклей, чтение книг требует усилий, и немалых. То же самое можно сказать и об общественных и любительских видах деятельности. Мыслимы ли самодеятельные занятия и увлечения, физкультура и спорт, туризм и экскурсии в отрыве от активной деятельности человека?

Даже такая сфера досуга, как общение, предполагающая приятное, но не бессмысленное времяпрепровождение, беседы с другими людьми за чашкой чая (а это обмен информацией, опытом), и то не дается просто. Здесь обязан трудиться интеллект или, если хотите, душа. Так что какую часть внербочего времени ни возьмете, вы непременно встретитесь с трудом. И следовательно, клуб, организуя ваше свободное время, по сути, предлагает вам на выбор работу. Переключающую, разную, но работу. Думаю, в будущем он сохранит за собой эту специфику: загружать нас делом, тем самым способствуя нашему более эффективному отдыху.

Не парадокс ли? Если все виды досуга, даже наиболее «тихие», на самом деле труд, то что можно сказать о самом процессе труда?

Думаю, если в будущем представить труд лучше организованным, то потребность у человека в досуге как таковом в развитом социалистическом обществе просто отомрет. Отдых невозможно будет отделить от работы. Пока человек бодрствует, он будет заниматься полезным делом. Но, безусловно, всегда будет в нем потребность переключения с одного вида труда на другой: с умственного на физический, и наоборот. И клуб в этом отношении может играть не последнюю роль.

Приведу пример. Есть у меня школьный товарищ, по профессии он физик. В молодости с ним случилось несчастье: он упал и повредил позвоночник. Болезнь не помешала ему продолжить научные исследования. Дома он соорудил лабораторию. Защитил диссертацию. Словом, ведет активный образ жизни. На досуге мой товарищ увлечен проектированием и постройкой катамаранов. Он сам их опробовывает, путешествует на них.

Клуб одного человека? Пожалуй. Но человек занят любимым делом на глазах у многих. (Катамаран в квартире не выстроишь

и в ванной на нем не поплывешь!) И уже в силу этого его занятие обретает большую общественную значимость, давая пример для подражания.

Всякий труд, преобразующий личность, предполагает самостоятельное построение или принятие цели, ее совершенствование, сознательный выбор средств, поиск путей, как быстрее и лучше осуществить задуманное.

Труд, «строющий» человека, — именно такой труд получает в нашем обществе дальнейшее развитие. По Марксу, он является игрой физических и интеллектуальных сил. На смену самоотчуждению личности в капиталистическом обществе приходит самоутверждение ее в свободной деятельности как в рабочее, так и в свободное время в нашем, социалистическом обществе.

И сам человек уже по-другому относится к труду. Причем это явление становится массовым. Недавно я был на трубном заводе. Подошел к рабочему, спрашиваю, как называется его профессия. А он отвечает: в двух словах не скажешь. И, улыбаясь, объясняет, что их бригада работает по единому наряду. Раньше каждый занимался своей операцией: у одного сварка, у другого вальцовка, у третьего наладка. Теперь каждый владеет рядом специальностей и подменяет другого.

Как видим, структура социалистического производства предполагает сменность занятий. И закономерным тогда является принцип не «поработал — восстановился», а «поработал, перешел на другой вид деятельности». И каждое из этих занятий вносит свой вклад в целостное формирование человека как личности.

Все мы, разумеется, ждем, что труд будет легче, и это закономерно. И времени у нас на свободную деятельность, направленную на развитие личности, на реализацию ее творческих потенций, будет больше.

Но я хотел бы вот от чего предостеречь. Подчас можно услышать, что научно-технический прогресс ведет к тому, что все мы станем кнопконажимателями. Функция контроля за ними каторгами станет ведущей. Труд — однотипным. Оператор, дежурный, профессия будущего. Вряд ли. Сфера человеческой деятельности будет достаточно широка. И каждый человек изберет для себя ту область, в которой сможет найти применение своим силам. Кто-то будет заниматься биологическими системами, кто-то сбором и обработкой информации. Одни будут учить детей и взрослых, другие их лечить, третьи заниматься искусством. Поэтому боязнь стереотипизации мне кажется надуманной. Человеческая деятельность останется многоплановой. Но останется и потребность в сменности, причем как в рамках своего производства, так и вне их. И тогда досуг, направляемый и регулируемый клубом, или то, что мы сегодня понимаем под ним, будет не бегством от неприятной работы, а естественной тягой к смене деятельности.

Польза такого досуга особенно очевидна, когда умственная деятельность сочетается с физическим трудом. Тогда быстрее снимается усталость. Тогда сам труд становится формой досуга. Сужу по себе. Я занимаюсь исследованием профессий и, чтобы быть профессионалом, давно поставил за правило в свободное время если не овладеть в совершенстве, то хотя бы попробовать те виды деятельности, которые изучаю. Мне это помогает понять психологию человека, профессию его.

Помню, как радовался, когда научился электросварке и первый раз «искрил». Сделал даже прибор, дающий водородно-кислородное пламя. Столярничал, плотничал, выполнял сте-

ТРУД - ЕДИНСТВЕННАЯ МЕРА

кольные, бетонные работы. Вместе с сыновьями сделал небольшой токарный станок. Для автопутешествий сконструировал удобный разборный домик.

Предвижу упрек в том, что чрезмерно сузил перспективу, говоря лишь об одной из сторон деятельности клуба. Но, как мне кажется, до недавнего времени на нее слишком мало обращали внимания, и результат не замедлил сказаться. Неумение произвести даже простейший ремонт личных вещей, не говоря уж о том, чтобы сделать что-то оригинальное своими руками, привело к перегрузке сферы бытового обслуживания. Ориентация же молодежи в первую очередь на развлекательные, а не на созидательные формы досуга привела, например, к тому, что в Москве, громадном индустриальном городе, регулярно занимается техническим творчеством не более четырех процентов школьников!

И сегодня, когда роботы внедрены в большинстве отраслей промышленности, все еще преждевременны попытки сбросить ручной труд с корабля современности, объявить его пережитком. Рука была и останется главным инструментом труда, даже в условиях всеобщей автоматизации и механизации производства. Не случайно обучение будущих конструкторов самых архисовременных машин начинается с работы на простейших механизмах. И на разных этапах своей деятельности они то и дело возвращаются к ручным операциям, чтобы лучше понять природу механизмируемых и автоматизируемых процессов.

Между прочим, лидеры в практическом применении разнообразных компьютеров — японцы недавно обнаружили, что раннее обучение работе с вычислительной машиной, стимулируя решение человеком сложных задач, ставит его в тупик перед простейшими операциями. Заметив эту тенденцию, они ввели в школах национальное обучение операциям на соробане — японских национальных счетах и стали регулярно проводить олимпиады виртуозов соробана...

В последние годы у нас в стране стало появляться множество клубов по интересам, объединяющих людей, увлеченных одним занятием. Садоводы, рыболовы, дельтапланеристы, моряки, камнерезы... Уже сейчас клуб становится как бы вторым производственным местом. Туда приходит человек после работы, чтобы заняться другим делом, необходимым для самосовершенствования.

Если раньше общество, государство говорили человеку — ты должен расти, быть личностью, учиться и работать творчески, то сегодня он сам уже это осознает. Он все в большей мере ждет от общества создания условий, в которых мог бы приобрести новые знания, овладевать новыми видами деятельности, «строить» себя. Он понял, что это ему нужно. Культура самоконтроля, самоуправления, самоанализа стала намного выше и в будущем будет расти.

А раз так, то и к клубу как форме организации сменной деятельности человек предъявляет уже другие требования. И будет постоянно их увеличивать. И видоизменять. Да, клуб — это место, где можно заняться другой работой. Но не только. Здесь человек вправе получить помощь, если он захочет разобраться в себе, определить еще не выявленные склонности, попробовать себя в новом виде деятельности. Клубы, оснащенные современной техникой, станут своеобразными «профориентационным центром» по выяснению интересов, склонностей, возможностей личности. А такого рода ориентация порой важна не только в молодости.

Информация дает могущество человеку, раздвигает рамки его возможностей. Пользование современными источниками

информации, содержащими уже сейчас массу сведений в определенных областях знаний, быстрый доступ к ним откроют небывалые возможности для развития личности. Человеку не будет надобно носить в себе массу знаний про запас. Скажете, причем здесь клуб? Да, человек научится владеть информацией. Но ему по-прежнему нужен будет руководитель, учитель. Эта благородная функция никогда не отомрет. Кажется, Боткин говорил, что учитель — это тот, кто помогает раскрыться. И вот клуб все в большей мере в последующие годы возьмет на себя функции руководителя, учителя в такой непростой сфере, как свободное, непроемчивое время.

В одном из недавних выступлений президента АН СССР академика А. П. Александрова было сказано, что лет через десять каждый школьник сможет при необходимости связаться по телефону с ЭВМ, в памяти которой содержится интересующие его сведения, задать ей все необходимые вопросы и получить ответы на экране телевизора. Сегодня эта операция привычна для сотрудников ведущих научно-исследовательских институтов, завтра она станет будничной и, как мне кажется, самым непосредственным образом скажется на всех сторонах деятельности не только школ, но и клубов. Они неизбежно начнут передавать своей аудитории не столько сумму знаний и навыков, сколько логику нового интересного дела, отношение к жизненным явлениям.

В членах многих клубов по интересам, с которыми я в разное время встречался на крупнейших предприятиях страны, симпатичны замах на длительную работу, готовность к ней, стремление выйти за рамки того, что у психологов именуется «зоной ближайшего развития». Их деятельность, в общем-то, доказывает: к началу следующего столетия мы никуда не денемся от глубокой дифференциации досуга у различных общественных групп. И потому, что аудитория, объединенная не только увлечением, а и профессией, более управляема, и потому, что в иной обстановке целевая ориентация, о которой говорилось в докладе тов. К. У. Черненко на июньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС, просто невозможна.

В Ленинграде на Балтийском заводе приходилось мне бывать в клубах типа «Юный моряк». Осталось очень доброе воспоминание о том, что в них делается, и о людях, под чьим руководством ребята изготавливают модели кораблей и даже настоящие яхты, выходят на них в море. А попутно усваивают многие морально-этические ценности, которые наверняка пригодились им не только в профессии корабеля или моряка, но и вообще в жизни.

Сейчас, в ретроспективе оглядываясь на свою жизнь, думаю — а может, вот такой же человек и помог мне найти и профессию, и себя. В 1944 году мы, школьники, работали на заводе. Поставили меня к тискам. Операции, которые я выполнял, были несложными, но довольно однообразными, монотонными. Следовало снять фаску, зачистить заусенцы. Стою, не спеша работаю. И не замечаю, как вокруг меня накапливаются ящики с необработанными деталями. Тут подходит ко мне старенький мастер. И вроде не говорил ничего. Просто показал, как надо делать. Темп задал. Одним движением руки можно было, оказывается, завернуть тиски. И детали будто по конвейеру пошли ко мне в руки. Сейчас я бы сказал, что он помог мне не только организовать мой труд, но и заложил правильное отношение к труду. Едва начало получаться у меня, как и настроение другое стало, и не таким тяжелым показался рабочий день. В короткие перерывы я бродил по цехам. И не устал удивляться мастерству людей, рациональности

ТРУД - ЕДИНСТВЕННАЯ МЕРА

каждого движения. На всю жизнь сохранились благодарность старому мастеру и воспоминание о бегущей металлической стружке.

Сейчас в сферу производства приходит все более интересное пополнение из числа выпускников профессионально-технических училищ. Как правило, молодые рабочие профессионально подготовлены. Что же касается умения организовать свой досуг, найти в нем точки пересечения с профессией, то здесь еще много нерешенных проблем. И тут пример другим городам показывает в очередной раз Ленинград. В нем стараниями в первую очередь заводских Домов и Дворцов культуры создана очень творческая атмосфера уже вокруг самих профессионально-технических училищ. Будущих рабочих, успешных понять притягательность умелого труда, учат столь же умело организовывать свой досуг. Прививают навыки самообразования. Постоянные контакты в клубах с шефами-производственниками, с творческими коллективами города во многом тому способствуют.

Основная деятельность — не основная. Для молодых не это важно. Главное — интересно или нет. И наша задача, людей взрослых, используя различные формы клубной работы, помочь им этот интерес сформировать и в нем определиться. В этой связи, мне кажется, важной является попытка совета ректоров вузов Москвы поставить на научные основы проблемы выбора профессии. Под эгидой его комиссии по профессиональному отбору и профессиональной ориентации в Политехническом музее столицы начал функционировать консультационный пункт. В его работе в качестве психологов принимали участие сотрудники нашего факультета. Еще многое несовершенно в работе этого пункта, но сам факт, думаю, заслуживает одобрения и всяческой поддержки. Потому что это тоже можно отнести к примерам положительного опыта, о котором я говорил. Чтобы стать личностью, подростку надо определиться. Надо поддержать в нем потребность в трудовой деятельности, пока эта деятельность еще досуг, а не основное занятие.

Так что, завершая разговор, все-таки держусь того убеждения, что досуг — это вид активной деятельности, направленной на построение себя как личности. Когда человек удовлетворяет свои потребности в познании, в движении, в работе руками, он сознательно или несознательно способствует «производству себя». А это общественно необходимо, общественно значимо. Нашему государству нужны люди, которые тянутся к саморазвитию, самосовершенствованию. И свободное время этому помогает. Поэтому обе его функции — и восстановление сил человека, поглощаемых сферой труда и непреложных занятий, и духовное, идейное, культурное, эстетическое, физическое развитие приобретают все большее значение в нашем обществе. Именно это имел в виду К. Маркс, говоря, что время «...остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего открывается простор для свободной деятельности и развития. Время — это ПРОСТОР для развития способностей...»

Для работы ума, сердца и рук, добавлю я от себя. Для труда в конечном счете, в том понимании, в котором он может обогатить нашу жизнь. Сделать ее осмысленной и цельной.

Труд — досуг. Как видите, круг замкнулся на личности гармоничной.

С. Бирюкова,
и. о. доцента кафедры
оркестрового дирижирования
Тамбовского филиала МГИКа

В поисках личности

Задумываясь над мнениями коллег, я, как педагог, считаю важной мысль, высказанную директором ДКиТ Н. Кардашевым: «...любые усилия — теоретические, организационные, воспитательные, архитектурные — должны опираться на фундамент творческой личности клубного работника» («КХС», 1984, № 1). К сожалению, обучение будущих культпросветчиков сегодня в большей мере нацелено на постоянство, чем на поиск. Начиная с постоянного состава студенческого оркестра, формы занятий, зачетов, экзаменов (в творческих вузах они специфичны — на публике) и кончая постоянным набором методических приемов, свято оберегаемых от любых новшеств, не обкатанных на практике. Но каждое произведение искусства тем и хорошо, что оно новое, что движет вперед, приближает к следующим творческим открытиям. Если, как утверждают ученые, в научных отраслях обновление знаний происходит примерно через пять лет, то специфика клубного творчества изначально предполагает эксперимент.

Я убеждена, что эксперимент должен стать для нас не событием, а формой существования, потому что жизнь не стоит на месте, запросы и устремления посетителей клубов постоянно меняются: корректируются, углубляются, растут. Понятие «отработанная методика» в клубной практике равнозначно «пустой породе». Прием, удачный сегодня, завтра не срабатывает. Значит, долой методику? Нет, — долой штамп, но да здравствует методика эксперимента! Методика, преобразующая каждую встречу, занятие с педагогом, оркестром в микроклуб, в комплекс, в синтез всех знаний, получаемых в вузе.

Чего только не изучает студент института культуры: историю театра, живописи, музыки, литературы; сценарное дело, различные методики. Но все... бегло и молча, так как часов на них отводится мало, семинаров — еще меньше. Есть, правда, предложения «найти промежуточное звено между широкими общеclubными знаниями и узкоспециализированными навыками работы с самодеятельным коллективом за счет введения в учебный план различных методик, например методики использования клубных форм в музыкальной работе, методики художественно-пропагандистской работы, методики художественно-эстетического восприятия» (преподаватель Пермского ГИКа Л. Михайлова, «КХС», 1983, № 16). Но из той же практики известно, что любая, самая совершенная методика срабатывает только при наличии подготовленных кадров для ее осуществления.

Поэтому речь должна идти, мне кажется, о комплексном применении знаний студентами на любом из занятий. Ведь клубный работник — это будущий лидер в творческой деятельности, будь то художественная или административная работа. А пока дело доходит до категоричного: «Не нужно штатных работников» (студент факультета журналистики А. Чеботарев, «КХС», 1983, № 9), то есть те, для кого клуб существует, этого лидерства не чувствуют.

Студент, прошедший в вузе школу стабильности организационных и художественных форм, и штатную деятельность в клубе станет рассматривать как незыблемо-постоянный набор приемов. И тогда, естественно, выпадет высшая ценность клубной деятельности — удовольствие от самого процесса общения, от формирования этого процесса.

Между тем живая практика уже стучится в дверь: «Клуб нужен как место встреч друг с другом» (директор сельского Дома культуры А. Потолыцын, «КХС», 1983, № 9). И там же: «Охотнее стали приходить, когда мы стали не просто разучивать стихи, а беседовать о поэзии, о литературе». Но чтобы уметь вести беседу, от специалиста требуется свободная, действенная эрудиция, живая речь, культура общения.

Существующие же формы обучения не дают возможности отучить студента от школьной практики пересказа учебника,

не обеспечивают развития эмоционально-речевой импровизации.

На индивидуальных занятиях, как правило, всю речевую нагрузку берет на себя педагог, оставляя за студентом только право кивнуть на вопрос: «Понял?» Нет ничего удивительного, что даже о том, что его интересует, студент говорит бесцветно, односложно: «Хороший ВИА, нравится, ритмичный». А Бетховен не ритмичный?

Тревожит меня и отсутствие информированности. Редко кто из будущих просветителей читает такие журналы, как «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Советская музыка». А ведь все эти издания выдвигают новые культурологические идеи, дают профессиональные разборы новых произведений писателей, композиторов, режиссеров...

Вспоминаю свои занятия в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных и слышу голос профессора С. Г. Делициева: «Вот сейчас нам Светлана расскажет о выставке в Пушкинском». О том, что я могла там не быть, речь вообще не шла. Это на дирижировании. А в классе баяна, который вел заслуженный деятель искусств РСФСР А. Гусь, после сорвавшегося пассажи я могла услышать совет немедленно прочесть книгу Н. Метнера «Повседневная работа пианиста и композитора». Ничто не было лишним. И все это расширяло границы учебной ситуации. Мы не чувствовали себя только дирижерами, только баянистами. Нас формировали деятелями культуры, ответственными за развитие ее традиций. Вспоминаю своих учителей с благодарностью. Как будет вспоминать о нас наши ученики — зависит только от нас. Точно подметил Г. Самарин: «Мы сами формируем психологию молодых специалистов, даем им модель поведения» («КХС», 1983, № 9).

В теории — нет противников чувства нового, потребности непрерывного обогащения знаний. На практике же с пересмотром позиций особенно не поспевают. Упор делается на цементирование добытого, без его развития. Не выработана привычка к поиску. В то же время в нашем институте культуры, как, уверена, и в других, накоплен и накапливается опыт в этом направлении. У нас был ряд удачных попыток взаимодействия оркестровой кафедры с хореографами, режиссерами, хоровиками. Совместная работа требовала обоюдной притройки, накопления знаний друг о друге, рождала подчас неожиданные смены амплуа, когда будущие театральные режиссеры пели, а песни театрализовывались. Фактически в результате такого синтеза рождалось незапланированное вроде бы впрямую, но истинно клубное действо.

Молодости, как мы знаем, свойствен максимализм — в чувствах, в желании объять необъятное. И как важно не заглушить его «благими» подсказками — мол, «это нужно, а это необязательно». Зверев, учитель Рахманинова, брал своих учеников к себе в дом. Так делали Бах, Шепкин. Зачем это было нужно, ответила жизнь. Во всяком случае, с точки зрения узкоисполнительской это было необязательно. Готовы ли мы, нынешние педагоги, ввести в свой дом ученика, пусть даже метафорично, — вот в чем вопрос.

Проблема воспитания будущего культпросветчика не может решаться в отрыве от вопросов о личности его воспитателей. Для слишком многих понятие творчества уютно укладывается в певческие, клавишные, струнные диапазоны. Столько писалось о специфике клубной работы, что эта специфика отгородилась, по существу, культпросветчиков от реальных достижений в разных сферах культуры и искусства. Между тем только у подлинного художника-просветителя могла возникнуть «клубная» идея проводить инструментальные концерты в залах музея (С. Рихтер) или выпускать пластинки «Живопись и музыка», «Мелодекламация», где приходится дирижировать, читать стихи, рассказывать о жанрах (Г. Рождественский). Странно поэтому общаться с культпросветчиками — самой профессией призванными быть разносторонними людьми, — не умеющими артистично читать стихи, ярко говорить о волнующем, даже о своей профессии.

Например, даже на лекции порой приходится слышать о нашем первом профессиональном «народнике» В. Андрееве: нашел инструменты, реконструировал их, создал оркестр. И все. Время конца XIX века берется отрубленным от всех исторических, социальных, художественных корней. А ведь В. Андреев не просто снял жильную перевязь на струнах и начал играть на публике во фряке. Во время реакции, декадентства он развернул общественное мнение лицом к здоровому началу — народному инструментарию, мелосу. В. Андреев, плакавший от унижения в прихожих вельмож, разговаривал как коллега по искусству с Л. Толстым, объездил Европу, где имел ошеломляющий успех (до сих пор в некоторых странах

существуют балалаечные ансамбли, созданные под впечатлением от искусства русских «народников»). Да и сам фряк как фон балалайки был вызовом снобистскому отношению к этому инструменту, который воспринимался «мужицкой забавой».

Интересна зеркальная переключка с работой фольклорного ансамбля под руководством Дм. Покровского. Забытые, сложные песни-действия, превращенные из-за отсутствия исполнительской практики в музейный экспонат, ансамбль Покровского исполняет часто в современных костюмах, приближая, согревая их сегодняшним теплом. Вот пример творческого развития традиции, ставший возможным также благодаря широкому, демократическому взгляду на музыкальную культуру.

Нет, сегодняшний выпускник, если встанет за пульт готового оркестра, сумеет сделать пару дельных замечаний и поправок, но вот заечь людей, вовлечь их в коллектив, заставить их поверить в необходимость существования оркестра русских народных инструментов — с этим сложнее. (Об этом, кстати, тоже шла речь в цитированном выше интервью с Г. Самариным.)

Предложите сегодняшнему выпускнику подготовить с оркестром русских народных инструментов, скажем, «Вечер одной песни» (по аналогии с музеем одной картины в Пензе). Почти 99,9 процента вероятности, что выпускник не справится. Тема на стыке разных знаний (история, литература, архивные поиски, фольклорные записи, инструментовка для нестандартных составов) ему не по плечу.

Только многогранность образования в сочетании с социальной зрелостью даст будущему культпросветчику ту свободу в обращении с любым материалом, которая делает каждое занятие в клубе насыщенным и легкоусвояемым, стимулирует творчество и утоляет жажду общения. Так же как дети любят вначале не предмет, а учителя, который его ведет, так же люди любят клуб благодаря специалистам, которые в нем работают. А для того чтобы каждый выпускник учебных заведений культуры стал притягательной и разносторонней личностью, нужно, как пишет В. Закутский («КХС», 1983, № 11), «экспериментировать, искать новые пути и методы обучения».

Клуб растит культпросветчика

Почему молодой специалист порой увольняется из клуба, не успев толком вникнуть в дело? Кто — оттого, что не заработался, не сошелся характером с начальством, сотрудниками. Кто — оттого, что при первом же серьезном знакомстве с клубом разочаровался в выбранной им профессии. (И это после нескольких лет учебы!)

Не берусь судить о том, что может сделать для решения этой проблемы институт культуры. Но клуб, по-моему, кое-что сделать может. Говорю, судя по опыту нашего ДК. Есть у нас люди, которым после устройства на работу никакой специальной «адаптации» не понадобилось. Люди, которые знают клуб как дважды два, знают условия работы, сам дух нашего коллектива. Это бывшие «воспитанники» нашего же ДК.

Володя и Зоя Федоровы, например, были участниками одного из самостоятельных коллективов. Учились. Получили специальное музыкальное образование. Теперь руководят самостоятельными коллективами.

Николай Павлович Гуськов, бывший рабочий завода холодильного машиностроения «Компрессор», а сейчас заведующий культурно-массовым сектором, тоже был участником нашей самостоятельности.

Мы убедились — насколько плодотворнее работа с тем, кого как специалиста воспитал ты сам. С тем, у кого каркас институтской программы выжидается на прочном фундаменте знания клубной практики. Ведь не секрет, что в институте зачастую учат не клубной работе, а лишь работе в определенном самостоятельном коллективе.

Потенциальные клубные работники есть, мне кажется, едва ли не в каждом самостоятельном коллективе. Если в человеке чувствуется преданность любимому делу и при этом задатки организатора — энергия, умение сплотить вокруг себя людей, то, думается, руководителю стоит обратить на него внимание как на своего помощника, а со временем и «второго руководителя». Что это значит: обратить внимание?

Тот человек, который придет работать в клуб завтрашнего дня, должен обладать эрудицией не только в своей узкой области — ему необходима высокая общая культура. И в этом уже сейчас, пока он всего лишь участник самодеятельности, ему может и должен помочь руководитель коллектива. Хотя бы просто советом: прочесть ту или иную книгу, посмотреть спектакль, побывать на выставке. Усилий потребуются немного, а отдача — огромная.

Кроме общего развития, требуется, конечно, хорошее знание клубной практики. Причем начать можно и даже нужно с небольших поручений. Только работая, мы учимся работать. Будущий культпросветчик должен уметь все: и посетителей встретить, и за освещением последить, и заштопать что-то, и убрать. Постепенно можно усложнять и организационные и творческие поручения, давать больше самостоятельности. И наконец — серьезная проба сил. К примеру, члену театрального коллектива можно предложить сделать самостоятельно небольшой спектакль, а самодеятельному художнику — оформить предстоящий в ДК вечер.

Когда придет пора выбора учебного заведения, абитуриент должен иметь полное представление, что же такое клубная работа, быть уверенным в своем призвании.

Когда мы говорим, что воспитанник клуба проникается его «духом», имеем в виду не только работу, но и отдых. Два раза в год мы готовим особый вечер отдыха для работников Дома культуры и взрослых участников самодеятельных коллективов.

Вечера эти проводятся за чаем с пирожными, конфетами. У каждого коллектива есть свое постоянное место, свой «уютный уголок». Состоит вечер из 2-х частей. Первая — торжественная: поздравления юбиляров, вручение наград. Вторая — отдых: веселье, шуточные номера, импровизация — «произвольная программа», так мы называем эту часть. Между этими двумя отделениями и после окончания второго — танцы. Поначалу мы боялись, что люди будут стесняться, чувствовать себя скованно, не будет непринужденности. Все-таки и в возрасте разница большая (от 15 до 70), и в уровне образования (от рабочего до доцента). Но наши опасения развеялись, когда мы в первый же вечер увидели, как 20-летний член одного коллектива с 50-летним руководителем другого коллектива увлеченно пляшут «русского».

Я не случайно привела такой пример: член коллектива и руководитель. На этих вечерах стирается грань между учеником и учителем, рождается чувство товарищества, без которого невозможно увидеть в рядовом участнике самодеятельности будущего работника Дома культуры.

Как важно было бы, чтобы все ДК считали своей обязанностью готовить смену культпросветчиков! В масштабах страны это могло бы резко изменить положение с клубными кадрами.

Чтобы такое начинание быстрее распространялось, можно было бы, думается, подвести под него и правовую базу. К примеру, предоставить Дома культуры право давать направление в институт культуры тем активистам, которые наиболее полно себя проявили в работе, — и чтобы таким абитуриентам предоставлялись определенные льготы. Если к моменту окончания института в ДК, давшем направление, будет вакантное место — распределять студента именно туда. Конечно, это не всегда возможно. Но и для любого другого клуба такой специалист будет хорошим «приобретением» — человек, проверенный в деле.

Е. Гуревич,
художественный руководитель
Дома культуры «Компрессор»
Москва

Но ведь основная задача клуба не в том, чтобы готовить из любителя «специалиста узкого профиля».

Дом культуры — учреждение в первую очередь воспитательное, и его задача — расширять круг интересов человека, делать его жизнь как можно богаче.

В нашем ДК есть один коллектив, многие черты которого могут, на мой взгляд, служить примером, в какой-то степени даже прообразом, будущего. Я говорю о народном театре. Его руководитель Р. М. Смирнов не ограничивает свои планы подготовкой определенного количества спектаклей в год. Он считает важнейшей задачей помочь равноостроенному развитию своих учеников, выявить в каждом заложенные в нем творческие способности.

Никого уже не удивляет, если на занятиях по ритмике режиссер предлагает выполнить заданные движения под собственное пение. И постепенно самостоятельные артисты учатся находить мелодии, наиболее соответствующие характеру движений, сливающиеся с ними в одно целое. Или дает режиссер задание — подобрать, разучить стихотворение о зиме и проиллюстрировать его собственным рисунком. Разумеется, не все умеют хорошо рисовать, но для режиссера не это важно, достаточно, если на рисунке он видит комбинацию цветовых пятен, сочетание которых передает определенное настроение. Особенно часто такие рисунки «на тональность» рождаются, когда темой для иллюстрации выбирается музыка.

В отличие от многих других руководителей, ревниво относящихся к любому «постороннему» увлечению своих учеников, Равик Михайлович сам рекомендует пробовать свои силы в разных областях, особенно в прикладном искусстве. Он считает, что такие занятия не только расширяют интересы, оттачивают вкус, но и способствуют углубленному развитию человеческой личности.

Разумеется, расширение круга интересов, развитие творческих задатков возможно в любом возрасте. Но особенно плодотворен этот процесс, если начинается он в детском возрасте, под наблюдением и руководством опытных старших наставников. Созданный Р. М. Смирновым детский театральный коллектив, младшей участнице которого всего три года, — это прекрасная школа творческого познания мира. А одновременно — это и надежный резерв взрослого коллектива. Благодаря такой организации работы взрослый коллектив получает прекрасное пополнение, сразу плодотворно включающееся в общий творческий поиск.

Теперь, убедившись в эффективности такой системы, мы стараемся деятельность всех коллективов Дворца строить по принципу возрастной «эстафеты».

Клуб будущего видится мне не чисто формальным объединением под одной крышей различных коллективов, а их содружеством, сообща решающим общие воспитательные задачи. Нужно, чтобы и участники и руководители различных кружков бывали на занятиях друг у друга, помогали друг другу (например, члены изостудии могут помочь самодеятельным артистам художественно оформить спектакль). Чтобы постепенно члены всех кружков и любительских объединений стали чувствовать себя одним общим коллективом. Каких интересных людей смог бы воспитать такой клуб, как приятно было бы в нем работать!

Н. Плотноков,
директор Дворца культуры и техники металлургов
Череповец

А я вижу его таким...

Если я говорю жене: «Иду в Дом культуры», она уже знает: на сегодня назначен очередной сбор нашего духового оркестра.

Я двадцать с лишним лет играю в оркестре ДК производственного объединения «Гомельдрев» и уже не представляю свою жизнь без репетиций, выступлений... Каждая новая победа нашего коллектива — когда нам присваивали звание народного, когда становимся лауреатами очередного смотра, конкурса — для меня большой и радостный факт личной биографии.

Прекрасно понимаю, что успехами мы обязаны в первую очередь нашему руководителю. Юрий Петрович Згорский — сам «воспитанник» этого оркестра, и сюда, получив образование, он вернулся руководителем. Юрий Петрович хорошо знает каждо-

Воспитание многогранности

В любом клубе, даже не очень большом, как правило, целый набор самых разных кружков. И каждый берет на себя задачу развития способностей человека в каком-то одном направлении, в отрыве от всех остальных.

го из нас, даже в курсе домашних дел, если кто-то заболел — он обязательно позвонит, навестит. В репетиционной комнате все сделано его руками — и шкафы для хранения инструментов, и подставки для нот, которые он так великолепно украсил чеканкой, что вся комната выглядит нарядно и торжественно. Когда в дни выступлений мы выходим на улицы города, помимо специальных костюмов, нашему строю особую живописность придают традиционные атрибуты духового оркестра — бунчук, тамбурмажор, «парадно» оформленные литавры.

Оркестр — это не только репетиции и выступления, это общение. Нам всегда есть что обсудить, находятся интересные общие дела. В сущности, мы уже не просто самостоятельный коллектив, мы — клуб в клубе. Вот только как его назвать — «клуб духового оркестра», «клуб любителей духовой музыки»? Дело, конечно, не в названии, а вот статус клуба по интересам закрепить за нами, мне кажется, стоило бы.

Больше того, и я, и мои товарищи считаем, что членство в таком клубе следует сделать платным. Пусть каждый давал бы в общую «кассу» клуба ежемесячно хотя бы по рублю — эти деньги можно было бы использовать и для организации различных форм совместного досуга, и для того чтобы покупать для клуба какие-то мелочи первой необходимости. Насколько я знаю, пока такое платное членство официально не разрешено. Но, может быть, стоит над этим подумать?

Бывают у нас семейные вечера отдыха. В этот день наши жены приходят в ДК и видят нас «в деле» — всех вместе, на сцене, слушают нашу игру. Давно заметили: после этого надолго затихают жалобы на то, что мы слишком много времени тратим на клуб. Наши жены открывают для себя новую, клубную форму отдыха, где непринужденность дружеской компании сочетается с возможностями что-то интересное увидеть, услышать, узнать. С каким удовольствием вспоминаем потом вместе эти вечера!

Вот я и думаю: как много можно было бы улучшить, сколько новых посетителей смог бы привлечь клуб, если бы люди, организующие его работу, никогда не забывали, что это — место отдыха. Понять психологию посетителя не так уж и сложно — для этого достаточно поставить себя на его место. Вот самый простой пример. Работники клуба уже свыклись, по-моему, с мыслью, что «конкуренцию» телевидения им не одолеть. А ведь телевидение могло бы... привлекать людей в клуб. Так ли уж, скажем, приятно смотреть футбольный матч дома, сидя у экрана телевизора и при этом спиной ощущая присутствие жены, отнюдь твоих эмоций не разделяющей? А ведь в каждом клубе есть телевизор, только стоит он, как правило, «для интерьера». Разве нельзя собрать болельщиков вокруг телевизора с большим экраном?

Ну а пока мужья у телевизора, жены могли бы собраться в другом холле, устроиться по-домашнему, даже с вязанием, и обсуждать свои извечные женские проблемы. Клуб будущего представляется мне не гигантским дворцом с необъятными фойе, а уютным домом, где было бы много холлов и уголков отдыха.

Сейчас клуб в своей работе ориентируется почти исключительно на молодежь — это видно и в подборе его мероприятий, и даже в самой архитектуре. Но правильно ли забывать о нас, людях «в годах»? Дети подросли, а у кого-то уже и разъехались по другим городам, стройкам, и появляется свободное время, которого в молодости нам всегда не хватало. Где же тот клуб, который подумал бы о нас, в котором мы стали бы желанными гостями? Конечно, нельзя мановением волшебной палочки преобразить тысячи работающих по всей стране ДК. Но проектировщикам, разрабатывающим чертежи новых клубных зданий или планы реконструкции старых, стоит, может быть, отказать от казенной торжественности в пользу уюта?

Г. Кравцов,
слесарь-инструментальщик,
ПО «Гомельдрев»

ПОКА ЭКСПЕРИМЕНТ

А. Пуйдокас,
заведующий
отделом культуры
Каунасского горисполкома

В Каунас я приехал несколько лет назад, в только что выстроенный Дворец культуры и спорта (ДКиС) завода искусственного волокна имени 50-летия Октября, заместителем директора по культпросветработе. И одной из первых моих работ — так сказать, «визитной карточкой» — должен был стать вечер «Увековечил вечность», посвященный творчеству известного нашего графика Стасиса Красаускаса (как раз приближалась первая годовщина его смерти).

Вечер мы решили построить таким образом. Сначала зрители должны были ознакомиться с выставкой работ художника — а мы собрали 90 оригиналов! Потом была подготовлена литературно-музыкальная композиция по произведениям Красаускаса: он много иллюстрировал поэзию, скажем, сонеты Шекспира, да и сама его графика очень музыкальна... В композиции участвовали и самостоятельные артисты ДК, и профессиональные актеры нашего драматического театра. А третьей, «ударной» частью вечера должна была стать встреча с людьми, близко знавшими художника: его женой, а также друзьями — скульптором профессором К. Боданасом, писателями М. Слущисом и В. Петкявичюсом...

Вечер прошел с успехом, и, если вдуматься, ничего удивительного в этом не было: Красаускаса у нас очень любили и тема была многим близка, затронула людей. А я тогда на собственном опыте понял одну, в общем-то не новую, истину: как важно выбирать для наших мероприятий волнующие темы. Думаю, в этом одна из основ нашей успешной работы — и атеистической, и контрпропагандистской, и любой другой: говорить о том, что волнует людей сегодня, сейчас...

И еще я понял, что любое массовое мероприятие нужно готовить с той же тщательностью, с какой режиссер готовит премьеру спектакля. Ведь, в сущности, по жанру они очень близки к спектаклю. И «работать» в них должна каждая мелочь, вплоть до оформления афиш и пригласительных билетов.

Кстати, последующий опыт убедил, что вовсе не обязательно каждый раз искать новые формы. Так, следующей работой стал тематический вечер «Секретарь», посвященный жизни и деятельности видного партийного и государственного деятеля нашей страны А. Снечкуса. Выставку для этого вечера подготовил республиканский музей Революции. Уровень ее характеризует хотя бы то, что впоследствии она с успехом экспонировалась в Польше и Чехословакии. А после литературной композиции, также поставленной силами участников самодеятельности и актеров театра драмы, зрители встретились с вдовой А. Снечкуса, Марией Борлонайте, с ее сестрой, с другими близко знавшими его людьми.

И вот уже несколько лет во Дворце культуры и спорта проводятся такие тематические вечера. Главное здесь — не говорить «вообще». Культпросветчик обязан в своей работе опираться на конкретные имена, которые опять-таки именно у этой аудитории могут затронуть сердце, ум, вызвать глубокие мысли, широкие ассоциации...

Но тут мы столкнулись с неожиданной трудностью. Дело в том, что каждое такое мероприятие требует тщательной, а следовательно и длительной, подготовки. Например, вечер

«Секретарь» мы готовили около трех месяцев. А если суммировать все требования, предъявляющиеся к сегодняшнему клубу, становится очевидным: с такой тщательностью он все свои мероприятия готовит просто не в состоянии.

И вот, сделав такое «открытие» мы подумали: а почему, собственно, каждое клубное учреждение на всех направлениях культпросветработы должно действовать в одиночку, быть, так сказать, само для себя первооткрывателем? Может быть, оно ломится в открытую дверь, изобретая формы и методы, давно освоенные в соседнем клубе? В Каунасе 32 клуба и Дома культуры; почему бы не определить каждому в порядке эксперимента одно-два направления — наиболее целесообразных и по уже сложившимся традициям, и по местоположению «полезной» площади? ..

Разумеется, речь идет не о том, чтобы обеднять деятельность клубных учреждений, оставляя им из всего многообразия клубной работы по одному лишь направлению. Нет, универсальность клубов сохраняется в неприкосновенности. Но при этом появляются как бы базовые точки, методические центры по отдельным видам и проблемам — там, где они наиболее квалифицированно решаются. Тогда клуб, накапливая и разрабатывая формы работы в русле своей профилирующей проблемы, сможет помогать в этом отношении соседним культпросветучреждениям — в свою очередь принимая методическую помощь в организации мероприятий по темам, профилирующим в них. Это, во-первых, повысит качество разработки клубной проблематики и, во-вторых, позволит объединить усилия клубных учреждений независимо от их ведомственной принадлежности.

Взять, к примеру, Дворец культуры профсоюзов — один из старейших клубов Каунаса. В нем мощная — другого слова не подберешь — художественная самодеятельность: почти 60 коллективов, из них 8 народных, свыше 2 тысяч участников. К тому же и условия хорошие: большое здание, много помещений для работы кружков и студий. Уж ясно, что одним из направлений работы этого ДК должно быть развитие художественной самодеятельности — огромный опыт, накопленный ДК профсоюзов, может оказать неоценимую помощь другим клубам города. Разумеется, это не значит, что ДК не будет заниматься больше ничем. Напротив, у него есть много интересных, скажем, массово-политических мероприятий, ставших традиционными, и никто не собирается их у ДК отбирать. Есть интересно работающий клуб политического просвещения «Пульс планеты», чрезвычайно популярный в городе...

А вот уже упоминавшийся Дворец культуры и спорта завода искусственного волокна имени 50-летия Октября. Это заводской клуб, у них накоплен интересный опыт трудового воспитания. Здесь будет вестись поиск и освоение новых форм работы по трудовому воспитанию, и накопленный опыт послужит примером и помощью для других клубных учреждений.

Формы трудового воспитания достаточно известны: народные университеты, школа экономики, клубы деловых встреч, молодого специалиста. .. Но, как уже мы говорили, дело не только в фирмах, а в том, что мы в них вкладываем. Видимо, здесь самое главное — показать конкретного человека на работе и результаты его труда. И еще мы стараемся поднять авторитет передовика не только на производстве, но и в его семье. Потому что когда человек увлечен работой — не просто трудится хорошо, а стремится трудиться все лучше, он об этом постоянно думает, старается повышать свою квалификацию, учиться, а все это занимает немалую часть его свободного времени. И у нас были сигналы о конфликтах в некоторых семьях передовиков.

Поэтому мы, готовя, скажем, вечер-портрет бригады, передовика, изобретателя, чествование победителей соцсоревнования, обязательно приглашаем и членов семей рабочих. Чтобы каждая семья видела, что их отца, мужа, сына уважают, что он нужен заводу, бригаде, что он хорошо работает... При этом стараемся говорить о конкретном человеке, о конкретной бригаде неказенно. А то бывает: и на столько-то процентов он план перевыполняет, и еще разные там цифры, знаки качества — а человека-то не видно. Поэтому мы стараемся показать его всесторонне: не только в цехе, но и в общественной работе, и на отдыхе, и в кругу семьи, друзей, какие-то его увлечения...

И еще одна важная форма трудового воспитания — всевозможные конкурсы. Скажем, цеховые. Мы создаем жюри, оно анализирует разнообразные аспекты жизни цехов. А тем, в свою очередь, за некоторое время до конкурсов даются «домашние задания». Например, определить самую острую проблему цеха и предложить конкретные меры по ее устранению. Предложения за две недели до конкурса сдаются жюри.

Кстати, таким образом на заводе искусственного волокна внедрено уже немало ценных рационализаторских предложений с весьма ощутимым экономическим эффектом.

Конечно, дается задание и по художественной самодеятельности. В каждом цехе есть участники различных самодеятельных коллективов: ДК выделяет им художественных руководителей, которые помогают подготовиться к конкурсу. Мы стремимся, чтобы это было зрелищно, интересно и командам, и зрителям. Команды состоят из 12 человек, из них 10 рабочих; им приходится отвечать на вопросы и по истории завода, и по правовым знаниям, разбираться в тонкостях различных заводских профессий...

Очевидно, опыт, накопленный ДКис завода искусственного волокна имени 50-летия Октября в работе по трудовому воспитанию, уже сегодня может быть полезен клубным учреждениям не только своего района, но и всего города.

Еще в 1976 году ДКис заключил договор о содружестве с Вильнюсским молодежным театром — театр давал на сцене Дворца от 4 до 6 спектаклей в месяц. А затем возник наш фестиваль «Играем для рабочих». Теперь он длится уже две недели, в нем принимают участие 13 театров: 11 литовских и два из городов-побратимов — Витебска и Тарту. С одной стороны, это действительно фестиваль — праздник, который не ограничивается только спектаклями: у каждого театра есть в Каунасе свой завод-шеф, и актеры, режиссеры, другие работники театра посещают его, встречаются с рабочими; после спектаклей устраиваются творческие встречи-обсуждения. А с другой стороны, это и конкурс: театры соревнуются за переходящий приз завода — большой ковер из искусственного волокна с надписью «Рабочие — театру», созданный заводчанами по эскизу художника Петрушкавичене в свободное время из сэконопленных материалов. Причем судит этот конкурс жюри, состоящее только из рабочих (даже мы, работники культуры, имеем в нем право только совещательного голоса), а помогают им все зрители: после спектакля они могут заполнить специальный бланк-отзыв, и эти отзывы потом рассматривает жюри.

Как я уже говорил, профессиональные актеры не только выступают на клубной сцене, но и участвуют совместно с самодеятельными в клубных мероприятиях. Самодеятельные же артисты имеют возможность постоянно учиться у профессионалов, повышать свой художественный уровень.

Репертуар профессиональных коллективов, выступающих во Дворце, составляется по желанию трудящихся завода. Они прямо в цехах — а кроме того, в районном совете пенсионеров и ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в микрорайоне — за две недели до продажи билетов знакомятся с репертуаром, дают заказы на билеты. А на заводе билеты распространяются на день раньше их свободной продажи.

Таким образом мы получаем возможность знакомить рабочих со всем самым интересным, что появляется и в самодеятельном, и в профессиональном искусстве республики. На примере такого содружества мы учим шефской деятельности и других культпросветработников.

А вот, скажем, один из клубов, непосредственно относящийся к ведению отдела культуры. Он совсем маленький, и технически несовершенен, и в штате только заведующий и художественный руководитель. Да еще и расположен на самой окраине. Там, конечно, есть и несколько комнат для кружковой работы, и маленькая сцена, и даже мероприятия какие-то время от времени устраивались — но, честно говоря, не часто. И делать их было некому, да и народ в такую даль не очень-то и стремился.

Мы долго думали, что делать с этим клубом. А потом решили: да ведь если ему подобрать подходящую сферу деятельности, то гораздо рациональнее можно его использовать. Окраина? — зато природа в двух шагах. И поблизости есть еще одно здание — оно принадлежало горисполкому и размещались там какие-то мастерские. Мы договорились и перевели его на баланс отдела культуры; помещение клуба, таким образом, сразу расширилось. А в нем уже раньше работал кружок деревянной скульптуры. Так мы и сделали основным направлением работы этого клуба развитие творчества наших мастеров народных промыслов. Они организуются так же, как кружки художественной самодеятельности. Это может быть и изготовление национальных литовских тканей, и корнелластика — в общем, 5—6 кружков. У нас достаточно молодежи, желающей научиться делать то, что умели их деды.

Разумеется, все это делается пока в порядке эксперимента. К тому же, в сущности, мы еще только начинаем. И конечно, в пересказе все это выглядит гораздо легче, чем на деле; проблем, естественно, хватает. Но одно дело — проблемы чисто творческие, они всегда были, есть и будут. И совсем другое дело...

Впрочем, когда меня спрашивают: а не мешают ли, скажем, ведомственные барьеры? — я с чистой совестью отвечаю: нет,нисколько. И это вовсе не значит, что упомянутых барьеров у нас нет. Но выгоды совместной работы слишком очевидны и для каждого культпросветучреждения в отдельности, и для города в целом. А вот другое, не менее важное, начинание — создание культурно-спортивных комплексов — продвигается у нас с гораздо большим трудом. Хотя выгоды для города здесь тоже очевидны. И более целенаправленная работа по месту жительства трудящихся, и улучшение работы с молодежью, и упрочение сотрудничества школ с предприятиями и организациями, и более эффективное использование кадров и помещений — да перечислять можно долго. У нас, скажем, есть учреждения, где и культурная жизнь, что называется, бьет ключом, и штатные культпросветчики есть, а помещения нет. И рядом детские клубы при домоуправлениях, библиотеки, школы — масса неиспользованных возможностей. Казалось бы, ясно: взяться всем вместе — и работать легче, и качество выше. Однако дело в том, что выгода для каждого конкретного учреждения здесь гораздо менее очевидна, и потому к решению этой проблемы мы еще только-только приступаем, хотя, насколько я знаю, в стране уже есть города, где такие комплексы плодотворно действуют.

Пока что горисполком принял решение о создании культурно-спортивного комплекса в Панямунском районе города. Дело в том, что в Каунасе клубные учреждения располагаются довольно неравномерно: в одних районах больше, в других — почти совсем нет. А в Панямунском районе расположены 8 клубов и Домов культуры, в том числе уже упоминавшийся Дворец культуры и спорта завода искусственного волокна имени 50-летия Октября. Согласно решению горисполкома комплекс полностью начнет действовать до конца нынешней пятилетки. А тем временем мы готовимся к тому, чтобы создать такие комплексы и в других районах города. Ибо, если разобраться, что же такое единая общегородская сеть клубных учреждений, к которой мы сейчас идем, как не шаг к подобного рода комплексу.

Следующим нашим шагом будет разделение города на точно обозначенные зоны. Таким образом, мы надеемся, во-первых, в какой-то мере компенсировать неравномерность расположения на территории города клубных учреждений, а во-вторых, приблизить культмассовую работу к месту жительства трудящихся: такое точное определение «сферы влияния» будущих комплексов увеличит их ответственность.

Однако это пока проблемы будущего. Я же хотел рассказать о тех, ключ к решению которых мы уже, как нам кажется, нашли.

ИЗУЧАЕМ ОПЫТ

Лаборатория КИР

Сейчас каждое предприятие, каждый цех, каждая бригада борются за взятие нового, намеченного партией, рубежа — сверхпланового повышения производительности труда на один процент и снижения себестоимости продукции дополнительно на полпроцента. Повышение производительности труда, как и решение других задач, намеченных апрельским (1984 г.) Пленумом ЦК КПСС, стоит в неразрывной связи с сокращением потерь рабочего времени.

Закономерно поэтому, что вопросы укрепления трудовой дисциплины занимают важное место среди социалистических обязательств предприятий, и заводской клуб стремится внести в их выполнение свою лепту. В его планах, как в зеркале, отражается все то, чем живет трудовой коллектив. Но за решение производственных задач Дома культуры борются средствами культпросветработы, и выбор этих средств, самый подход к делу зачастую оказывается у них весьма не схожими. Вот почему мы решили предоставить слово работникам двух клубов из города Гомеля Белорусской ССР.

На примере одного из показателей социалистического соревнования — борьбы за трудовую дисциплину — мы попробуем выявить условия, при которых помощь производству оказывается наиболее эффективной.

Производственная проблема в клубном «зеркале»

Наша роль-профилактика

Н. Сапунова,

заведующая производственно-техническим отделом Дома культуры и спорта Гомельского химического завода имени 50-летия СССР

В работе клуба все так взаимосвязано, что выделить один какой-то аспект непросто. В особенности это относится к борьбе за повышение трудовой дисциплины. Мне кажется, не будет преувеличением, если я скажу, что вся деятельность Дворца культуры тесно связана с решением этой задачи. Судите сами. Одно из важнейших направлений работы ДК — это художественная самодеятельность. Уже доказано, что среди участников различных кружков и студий гораздо меньше плохих производственников и нарушителей трудовой дисциплины,

чем среди тех, кто самодеятельностью не занимается. Увлеченность творчеством возвышает личность, и это не может не сказаться на всех сторонах жизни человека. В своем ДК мы проводим самые разные тематические вечера, и они помогают расширению интересов, более содержательной организации досуга. А ведь именно однообразный, ничем не заполненный досуг становится одной из причин пьянства и нарушения трудовой дисциплины. Ну а вечера трудовой славы, чествования наставников и передовиков производства — это одна из самых действенных форм воспитания на положительных примерах, и тут связь с вопросами дисциплины совершенно очевидна. Так что, говоря о помощи клуба производству, нельзя сбрасывать со счета и всю эту работу.

Кстати, подтверждение нашей точки зрения мы получили, когда проводили в заводском общежитии диспут «И обязанность, и дело чести». Разговор в этот вечер как раз шел о дисциплине труда. Среди вопросов, которые мы заранее предложили участникам диспута, были очень конкретные: «Можете ли вы сказать, что в вашей бригаде высокая дисциплина труда?», «Какие меры вы предложили бы для борьбы с прогулами и другими проявлениями недисциплинированности?» И большинство присутствующих высказалось за то, что главное — не наказание, а воспитывающее влияние коллектива,

строгое и заботливое внимание наставников. Говорили о том, что Дворец многое может сделать для укрепления дисциплины — если будет организовывать как можно больше интересных, разнообразных вечеров. Неожиданностью для нас оказалось пожелание, чтобы большая часть их проходила не в общежитии, а в ДК. Мы-то, наоборот, старались предлагать свою работу «с доставкой на дом», надеялись привлечь таким образом больше людей. Конечно, удобно, если на вечер можно «от нечего делать» забрести на несколько минут в домашних тапочках, но молодых рабочих, как оказалось, больше привлекает обстановка Дворца, даже сама возможность одеться по красивее и выйти «на люди». Участники диспута утверждали, что дисциплинарные «срывы» очень часто порождаются скукой, и мы не могли с ними не согласиться.

Разумеется, есть в планах нашей работы и специальные мероприятия, связанные с вопросами трудовой дисциплины — в основном они в разделе лекционной пропаганды. Беседу о том, какой вред производству наносят даже не столь вроде бы и значительные потери рабочего времени, мы включили, например, в программу клубного дня на производстве, когда проводили его в цехе, имеющем по итогам года наибольшее количество дисциплинарных нарушений. Был у нас и специальный выпуск нашего радиожурнала: обзор книг, посвященных различным аспектам социалистической дисциплины труда, причем приводилось много интересных цифр и фактов со ссылками на источники, чтобы те, кто заинтересовался, могли потом ознакомиться с этими книгами подробнее.

Мы считаем, что наша роль как помощника предприятию в борьбе с потерями рабочего времени — это постоянная, планомерная работа по воспитанию коллектива, то есть, по существу, профилактика дисциплинарных срывов. Меры же по каждому конкретному случаю — это уже дело администрации и общественных организаций завода. Там есть своя «шкала» борьбы с ними, вплоть до товарищеского суда. В профсоюзном комитете есть специальный журнал учета всех нарушений, и там следят, чтобы графа «принятых мер» никогда не пустовала. Вот так, с разных сторон и различными методами мы и делаем одно общее дело: боремся за укрепление дисциплины у нас на заводе.

Передний край борьбы за человека

Ф. Каган,

заведующая клубом завода станочных узлов

Наш клуб совсем небольшой — в штате его всего три человека. Много ли тут можно сделать, если рассчитывать только на свои силы? Выручает нас то, что мы работаем сообща с профсоюзной и комсомольской организациями нашего завода. Мы подключаем к ним свои силы и в решении воспитательных задач, и в том, что делается в помощь производству, и в том, что является, пожалуй, самым наглядным примером неразрывной связи воспитательных и производственных задач — в организации социалистического соревнования. Вопросы дисциплины тут очень показательны, как пример самого тесного и динамичного взаимодействия. Мы не отрицаем, конечно, роль «профилактических» мер, таких, как лекции, специальные занятия народного университета «Закон и жизнь». Полезными были и вечера вопросов-ответов, когда встречи администрации с работниками завода были посвящены разъяснению новых мер укрепления дисциплины и разбору конкретных трудовых конфликтов, возникающих время от времени в результате незнания или неправильного толкования этих мер.

И все же главное, на наш взгляд, — не оставить без внимания ни одно нарушение дисциплины. Причем важно не столько само наказание, сколько воспитательное воздействие этой акции на коллектив. Для этого у нас на предприятии и в клубе сложилась своя система, с помощью которой мы постарались совместить общую для всех строгую требовательность и — при этом — индивидуальный подход к каждому случаю. Основной формой стали ежемесячные дни дисциплины.

Руководит всем специальная комиссия дня дисциплины — в нее входят секретарь партбюро, председатель профкома, начальник отдела кадров, секретарь комитета комсомола, вос-

питатель общежития и я, как работник клуба. Поскольку многие случаи нарушений связаны с пьянством, в качестве «консультанта» нам помогает врач-нарколог.

То, что дни дисциплины проводятся раз в месяц, не значит, разумеется, что в остальное время у нас смотрят на нарушения сквозь пальцы. Нет, каждый случай прогула, опоздания на работу тут же берется на учет, и фамилия нарушителя появляется на доске информации у проходной. Но в день дисциплины контроль особенно строгий. Рабочий день начинается — комиссия дежурит у проходной, потом весь день ходит по цехам. Обстановка такая, что вряд ли кому-то придет в голову сильно затянуть перекур или нанести «визит» приятно в соседний цех. Казалось бы, какой смысл проверять дисциплину, когда всем известно, что ее будут проверять? Даже самый злостный нарушитель один день может продержаться «ангелом». А смысл вот в чем. Уже на следующий день экономисты скрупулезно подсчитывают, сколько было сделано в этот «образцово-показательный» день, насколько выше оказалась производительность труда. Цифры эти мы доводим до сведения всего коллектива. Сопоставляя их, каждый рабочий невольно вспоминает, чем же у него день дисциплины отличался от обычного. Казалось бы, разница и не такая уж большая. А в сумме по заводу — вон какой эффект!

Думается, это как раз тот случай, когда несколько цифр могут оказаться убедительнее целой лекции.

После конца рабочего дня зал нашего клуба заполняется народом. Здесь члены комиссии, представители всех цехов, ну и, конечно, главные «герои дня»: те, кто в истекшем месяце нарушал дисциплину. Конечно, раз на раз не приходится, но в среднем нарушителей набирается человек по десять. Кстати, сюда входят и те, кто «отличился» в общежитии или дома, — вел себя так, что пришлось вмешаться соседям или даже милиции. Ведь понятно же, что поведение в быту и на производстве связано очень тесно. Но даже если на работе человек дисциплинирован, а дома отравляет жизнь семье и соседям, — мириться с таким положением мы не имеем права.

Каждый случай рассматривается отдельно. Нередко нарушителями оказываются совсем молодые ребята, вчерашние выпускники школы или ПТУ. Порой приходится сталкиваться со случаями поразительной безответственности. Был у нас однажды даже такой случай. Попросился молодой рабочий на несколько дней к себе в деревню «дружка в армию проводить». Причина не слишком уважительная, да и дни были напряженные — мастер отказал. Юноша уехал самовольно, «проводил», потом «загостился» у мамы — и в сумме прогулял около месяца! Обычно нарушения связаны с тем, что молодые люди, приехавшие из других мест и поселившиеся в общежитии, почувствовали себя без строгого родительского глаза самостоятельными людьми, которые могут сколько угодно «гулять», а отсюда полшага до прогула.

Разбираясь в причинах нарушения и решая, какие меры принять, комиссия учитывает все. Выступают воспитатель общежития, товарищи по цеху, наставник. Мы пытаемся понять, почему стал сбиваться с пути именно этот парень, чем ему можно помочь. Я, со своей стороны, всегда стараюсь выяснить, какие у него интересы, не найдется ли для него подходящего дела в клубе. Конечно, зал, где разбирают его проступок, неподходящее место, чтобы предложить: «Приходи со своей гитарой к нам в ансамбль», но потом, в один из ближайших дней, я обязательно постараюсь найти удобный момент поговорить по душам.

Особое значение в каждом разбираемом случае имеет мнение бригады — особенно теперь, после введения бригадного подряда. Бригада — очень чуткий и гибкий механизм регулирования человеческих взаимоотношений. Когда говорят о влиянии новых форм организации труда на дисциплину, в первую очередь вспоминают, как правило, о том, что члены бригады не станут терпеть «нахлебника», любителя полодырничать за спиной у товарищей. А на наших разборах выяснялось, например, что бывают случаи, когда бригада до поры до времени проявляет снисходительность к новичкам, чей вклад явно ниже минимально допустимого. Они как старшие товарищи жалеют молодого рабочего, который никак не может войти в трудовой ритм, дают ему время освоиться, испраться и даже «натягивают» ему хоть мало-мальски приличную зарплату за счет собственных заработков. Это, конечно, недопустимо, ибо не способствует воспитанию трудолюбия. Нередко случается, что и на наших разборах бригада берет провинившегося под защиту и вместо серьезных административных мер предлагает... вызвать его родителей. Действительно, по лицу парня видно, что это для него самое неприятное наказание. Но уж если бригада говорит: «Уволить», я не помню случая, чтобы администрация не согласилась. Бывало, парень хнычет: «Подождите, мне всего два месяца до ар-

мии». — А ему: «Ничего, походишь по отделам кадров с трудовой книжкой, в которой запись об увольнении за прогулы, может, тогда почувствуешь, до чего докатился. Тебе это полезно, а то совсем стыд потерял».

На «скамье нарушителей» оказываются не только молодые ребята. Помню случай, когда среди них, пряча глаза, сидел человек, еще несколько лет назад считавшийся одним из самых уважаемых людей на заводе. Ветеран войны, в прошлом — передовик производства, а потом что-то в нем надломилось, начал пить — и вот оказался в такой роли. По-моему, все присутствующие испытывали чувство смущения и горечи. И даже обычный вопрос: «Как же это с вами произошло?» — выглядел не деликатным, неловким. Вот тогда-то встал директор завода и сказал: «Я сам старый фронтовик. Прошу снять это дело с разбора — под мою ответственность. Разрешите мне самому взять над ним шефство и считайте это моим партийным поручением».

Вот так проходят эти вечера в зале нашего клуба. С одной стороны, официальное разбирательство, с другой — серьезный, неловкий товарищеский разговор. С одной стороны, борьба с нарушениями дисциплины, с другой — борьба за человека. Мы, может быть, не совсем точно назвали это «Трибуной общественного мнения». Но важно, что «Трибуна» стала средством формирования общественного мнения, школой принципиальности и нетерпимости к тому, что мешает нам жить и работать.

К сожалению, наш зал не может вместить весь коллектив предприятия, а необходимо, чтобы об итогах дня дисциплины знали все. И вот на следующий же день в эфир выходит очередной выпуск нашей заводской радиогазеты. Обычно содержит она заводские новости, поздравления юбиляров, концерт по заявкам передовых бригад. На этот раз прибавляется отчет о дне дисциплины: выкладки его экономического эффекта, рассказ о «Трибуне общественного мнения». Полная гласность нужна для того, чтобы соревнующиеся коллективы предприятия еще до подведения окончательных итогов могли сопоставлять свои показатели. А состояние трудовой дисциплины в коллективе было и остается в соревновании одним из главных аспектов.

Принцип вторичного отражения

(комментарий журналиста)

Т. Золотова,
наш спец. корр.

Успешное решение производственных задач и таких, как укрепление трудовой дисциплины, возможно лишь при комплексном к ним подходе, то есть при правильном соотношении административных и воспитательных мер. А в деле воспитания — при использовании гибких, эффективных форм взаимодействия общественных организаций предприятия и его клуба. Но вот формы этого взаимодействия определяет, как правило, не клуб. Поэтому оценивать работу ДК в помощь производству нельзя без учета той роли, которую отводят ему общественные организации предприятия.

Когда в профкоме Гомельского химического завода им. 50-летия СССР я задала вопрос, какую помощь они хотели бы получать от клуба, оказалось, что работа Дворца культуры их абсолютно устраивает. Они и ждут от него лишь лекций, интересных вечеров и организации самодеятельности. Со всем остальным, по их мнению, они прекрасно справляются и без помощи клуба. Как же добиваются они необходимого воспитательного эффекта, не прибегая к средствам из арсенала клубной работы?

Очевидно, первое, без чего воспитательного эффекта не достичь, — это сделать сам факт нарушения и принятые по нему меры достоянием широкой гласности. В профкоме мне сказали, что эти сведения вывешиваются непосредственно в цехах. Но как тогда представить себе положение по всему заводу, как в ходе соревнования сравнивать показатели по цехам?

Сейчас в профкоме запланировано установить в проходной общезаводскую «Доску позора». Фамилия каждого нарушителя будет красоваться на ней до конца года. Признаться, мне

ИЗУЧАЕМ ОПЫТ

Лаборатория КТР

и эта идея особо удачной не показалась. Совершить случайно или по легкомыслию проступок, а потом чуть не год каждый день видеть свою фамилию на «Доске позора» — эдак человеку ранимому вপুরе будет уволиться с предприятия. Да и правильно ли это: применять ко всем единый, равный, «обжалованию не подлежащий» приговор? А ведь насколько более интересно и гибко можно все организовать! Провести, скажем, на конкретном заводском материале выступление агитбригады Дворца или разработать такой ритуал встречи прогульщика, «осчастливившего» наконец цех своим появлением, чтобы это «чествование» запомнилось ему надолго. Богат и разнообразен арсенал клубных форм — надо только уметь из него черпать!

На заводе станочных узлов контакты общественных организаций и клуба несравненно прочнее, чем у химиков, и подтверждение тому — дни дисциплины. Но и здесь система их взаимодействия в решении воспитательных задач еще не отработана до конца. Дни дисциплины, безусловно, главный, кульминационный момент борьбы с потерями рабочего времени на этом заводе. Но как бы удачно они ни проходили, это не конец, а лишь один из этапов работы. В эти дни достигается большая, чем обычно, производительность труда — и становится ясно, что у предприятия имеются немалые резервы. Значит, общественным организациям завода вместе с клубом нужно было бы иметь план совместной воспитательной работы, направленной на то, чтобы производительность, достигнутая в дни дисциплины, стала нормой каждого дня.

Кроме того, вчерашним нарушителям, тем, кто прошел через горнило «Трибуны общественного мнения», необходимо повышенное внимание, постоянный контроль. Ну а если в общей цепочке мер по укреплению дисциплины выявилось слабое звено — такое, как в общежитии у станочников, где до сих пор борьба с «зеленым змием» ведется с переменным успехом? Значит, необходимо больше и эффективнее работать с проживающими в общежитии. Станочники проводят там рейды, вывешивают «Колочки» с фотографиями нарушителей порядка, но этого недостаточно. Нужно изменить сам образ жизни общежития, сделать интересным и насыщенным досуг молодых рабочих, то есть нужна та самая «профилактика», которая хорошо поставлена у химиков. Вот только беда — вряд ли удастся станочникам тут за ними угнаться. И на то есть объективные причины.

Численность коллективов двух предприятий вполне сопоставима: более двух тысяч у станочников и более трех — у химиков. Но Дворец культуры и спорта химиков построен, что называется, с размахом, а у клуба станочников — несколько комнаток и зал в административном помещении, так что он вряд ли привлекателен как место, куда можно выйти «на люди». У химиков в их ДК шестьдесят творческих работников, а у станочников — только три. Можно ли обвинять их в том, что не хватает сил вести работу в общежитии в масштабах, которые сейчас необходимы?

Конечно, отчасти положение можно было бы улучшить, если бы станочники да и работники других предприятий, не имеющих клубов или имеющих крошечные, регулярно ходили на вечера в крупные Дворцы культуры, принадлежащие другим заводам. Чтобы Дворцы не только принимали, но сами приглашали их в свои самодеятельные коллективы и любительские объединения. Но на такое приглашение, по всей вероятности, откликнутся в первую очередь люди наиболее активные, с уже сформировавшимся кругом интересов, то есть те, кто реже всего попадает в число нарушителей. А как быть с остальными? Вот и получается, что в первую очередь необходима все же работа в самом общежитии. Воспитатель общежития с этим не справляется, у клуба тоже сил недостаточно — как же быть? Выход найти, думается, можно.

Мы говорим: ДК должен помогать предприятию, его общественным организациям в решении производственных проблем. Но правомочно, очевидно, поставить вопрос и так: как общественные организации предприятия не только направляют, но и помогают ДК в его работе «на производство»? Вот ведь какая сложная получается цепочка. Тут уж не просто «зеркало» клуба — тут какое-то вторичное отражение. А если говорить проще, профсоюзная, комсомольская организации и клуб, каждый своими средствами, делают одно общее дело. Задачи производственного коллектива клуб считает своими. Если и задачи клуба, включая функцию организации досуга, будут восприниматься как общие и решаться там, где это необходимо, при активном участии общественных организаций предприятия — тогда они будут решены успешно.

Это удивительное, неповторимое место. Посреди огромного города, в кольце многоэтажной современной урбанистики существует кусочек столь древнего ландшафта, что попавшему сюда кажется, будто время остановило свой бег. Вот поднимается на зеленый холм дорога, по которой шли полки воинов-победителей, возвращавшихся из-под Азова и Полтавы. Вот стоят неохватные дубы (этим деревьям, по заключению дендрологов, по полтысячи лет), один из которых называют «петровским» — будущий преобразователь России, царь-плотник проводил в этих местах дни своего детства и юности, и, как свидетельствует Сумароков, «сей дуб присутствием Петровым освящался, отец Отечества под оным просвещался...»

А эхо окрестных роцц, может быть, до сих пор хранит отзвуки грозного человеческого прибоа — здесь прокатилась лавина крестьянского войска Изана Болотникова. Много, много истории российской впитал в себя этот небольшой кусочек земли.

...Тишину нарушают мерные удары в колокол. Проходишь под аркой часобитной башни и застываешь в немом изумлении перед великолепным памятником архитектуры. Видно, вот также застыл здесь, композитор Гектор Берлиоз записал: «...Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина, гармония красоты законченных форм. Я видел какой-то новый тип архитектуры. Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломленный...» Действительно, признанный одним из шедевров мировой архитектуры, сооруженный в шестнадцатом веке русскими зодчими собор Вознесения потрясает неостановимым движением вверх шестидесятиметрового белокаменного столпа, парящего над высоким берегом Москвы-реки.

Московский музей-заповедник «Коломенское» — особый мир, где один-единственный шаг может перенести на столетия, ибо эпохи будто спрессованы в этом небольшом пространстве. Вот старинные бронзовые пушки, жерла которых глядят в сторону реки. Там, на другом берегу, ровными нитками уходят вдаль грядки — это поля колхоза «Овощной гигант». Да-да, Коломенское, бывший пригород, давно уже оказалось почти в центре столицы, и большинство нынешних колхозников перебрались в многоэтажные городские дома. Большинство, но часть людей, работающих в колхозе, еще живет в старинной, расположенной рядом с музеем-заповедником деревне — в Дьякове. И в двадцати минутах езды от улицы Горького есть настоящая деревенская улица с деревянными домиками, украшенными резными наличниками, с перебегающими соседний двор курами, мальчишками, что зимой лихо съезжают на салазках, а то и на собственных штанах по обрыву к реке.

О деревне Дьяково, например, упоминания встречаются еще в документах, датированных пятнадцатым веком, и она тоже памятник истории, культуры нашей, причем, на радость и изумление, — живой. Вообще, вся заповедная земля Коломенского отнюдь не выглядит застывшей навечно резервацией старины. По выходным сюда приходят по-

Праздники в Коломенском

любоваться красотой природной и рукотворной тысячи горожан и гостей столицы. Старинный парк, склоны холмов пестреют людскими одеждами, а над всем этим, в небе, парят голубые, оранжевые, серебряные крылья — с крутого берега прыгают, опираясь на восходящие от реки воздушные потоки, дельтапланеристы.

Здесь же, на высоком берегу можно увидеть и хороводы людей в ярких народных одеждах. Возможно, присутствующий в Коломенском созидательный, деятельный дух наших предков — зодчих, художников, камнерезов, кузнецов, садовников (еще сохранились частично знаменитые коломенские сады — когда-то росло тут около пятнадцати тысяч фруктовых деревьев) — побуждает к творчеству, и потому именно в этом месте родилась не так давно хорошая традиция. Несколько раз в году в выходные и праздничные дни собираются здесь любительские фольклорные коллективы Москвы и устраивают что-то вроде небольшого фестиваля. Причем суть таких праздников не только в показе быстро собирающимся зрителям песен, музыки различных областей России. Ведь все происходит не на сцене, а прямо на зеленых лужайках, и обступающие самодеятельных артистов плотным кольцом зрители нет-нет да и сами пускаются в пляс, или подпоют, или кто-то попробует поиграть на тростниковой пастушеской флейте. И начинается массовое, спонтанное действие, после которого у всех участников его — и инициаторов, и «примкнувших» — остается прекрасное чувство единения на высокой ноте народной души.

...Сейчас это стало одним из веяний времени — все более активное взаимодействие нас, нынешних, с культурой прошедших поколений. Коломенское, само, по сути, великолепное архитектурно-ландшафтное произведение, просто-таки «провоцирует» на такое взаимодействие. И вот помимо проведения фольклорных праздников (в которых, кстати, зачастую участвуют и фольклорные коллективы из сельской местности) задумано организовать в одном из старинных зданий, отличающемся великолепной акустикой, концерт любительских коллективов, реставрирующих музыку древней Руси. Есть и другие планы, по которым место это, хранящее память о культуре прошлого, станет и одним из очагов культуры, творимой сегодня.

Б. Соколовский

На импровизированных фольклорных праздниках всегда интересно и участникам и зрителям.

Народный ансамбль уральских казаков.

Выступает один из московских фольклорных коллективов.

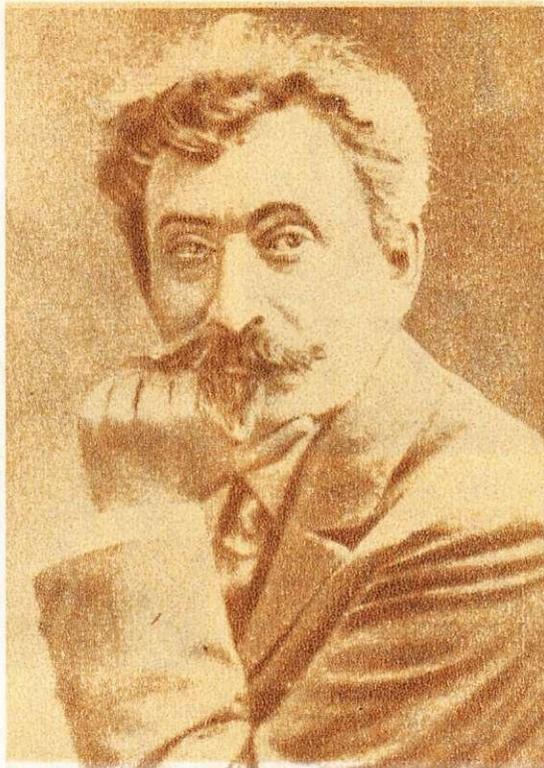
Фото С. Куна и Э. Королевич

Далекое — близкое

В. Дорофеев,
З. Нигматуллина,
научные сотрудники ЦГАЗ СССР

(к 120-летию
со дня рождения
М. Е. Пятницкого)

ОН БЫЛ

ПЕРВЫЙ...

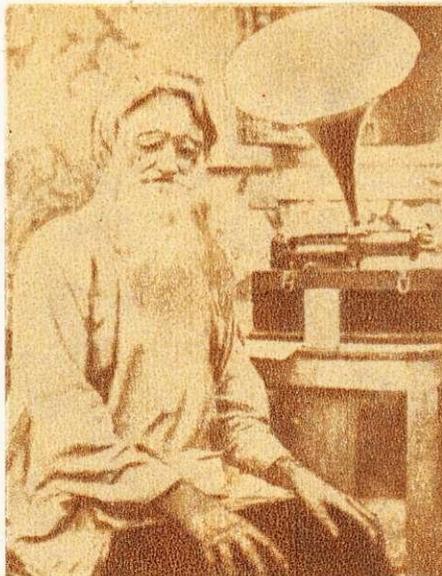
Ныне в разговоре мы проглатываем скороговоркой — «хор имени пятницкого», при этом имея в виду исключительно прославленный коллектив, с которым так нераздельно теперь слито имя его основателя. В полном слиянии имени человека с шагающим уже без него делом есть, конечно, немалая красота. Но есть в этом и некая «обратная сторона медали»: мы все реже и реже отделяем имя от хора, чтобы взглянуть в необыкновенную личность — настоящего новатора в культуре. Действительно, ведь многое из ставшего сегодня традиционным, само собой разумеющимся было открыто, придумано, впервые сделано Митрофаном Ефимовичем Пятницким. Он был первый, кто начал организовывать в Москве то, что мы сегодня называем «фольклорным концертом» — разыскивал в деревнях выдающихся певцов, привозил их в столицу...

Он был первый, кто создал, опять-таки по нашей сегодняшней терминологии, «хор русской народной песни». Наконец, первые граммпластинки с записями крестьянских песен — тоже его затея. Да, собственно, непросто перечислить все, что сделал Митрофан Ефимович первым для привития своим современникам любви к народному творчеству, для того, чтобы сохранились для потомков эти шедевры.

Настоящее потрясение в культурной жизни России вызвало выступление Пятницкого 12 декабря 1906 года в Малом зале консерватории с песнями «Уж вы ветры, ветерочки», «Что запил, загулял, друг Ванюшечка», «Звоны». Впервые на профессиональной сцене зазвучали русские песни подлинно — так, как их пели в народе.

В то время Митрофан Ефимович и решает перенести на эстраду крестьянскую песенную традицию, создать хор из народных певцов.

В 1910 году Пятницкий приобретает фонограф и путешествует по родной Воронежской и близлежащим губерниям, разыскивая там талантливых крестьян-певцов, записывая их напевы. Попутно собирает народные музыкальные инструменты и старинные костюмы. Так, из года в год, продолжались двадцать пять лет его фольклорные экспедиции.

...К концу 1914 года выходят пластинки с записями народных песен в исполнении крестьянского хора и ансамбля Пятницкого с текстовыми пояснениями руководителя. Эти пластинки для многих, многих людей были открытием: исторические, обрядовые, рекрутские, лирические, календарные, игровые песни крестьян центральных областей России явили слушателям огромный пласт отечественной культуры... К Пятницкому и его крестьянскому хору приходит первый заслуженный успех.

1930 год. Из постановления Академического совета при МУЗО Наркомпроса: «...признать, что записанные М. Е. Пятницким песни принадлежат к лучшим образцам русского народного музыкального творчества, имеют уникальный характер и представляют исключительный интерес для музыкальной этнографии. Особое значение фонограммы Пятницкого имеют еще и потому, что сохраняют не только музыку народной песни, но и дают представление о голосах лучших народных певцов». И тут же было дано распоряжение о переводе фонограмм Пятницкого на металлические матрицы — в целях гарантии сохранности.

В 1925 году Митрофан Ефимович подвел итоги своей двадцатипятилетней работы по собиранию, изучению и пропаганде русской народной песни. Свыше 400 фонографических валиков с записями песен содержались в шкафах в его квартире. Там был организован «музей русской песни», хранителем которого стал сам Пятницкий.

«Он был великим ценителем и знатком русской крестьянской песни», — говорил о Пятницком П. М. Казьмин, ставший после смерти Митрофана Ефимовича руководителем хора.

Сегодня запечатленные фонографом М. Е. Пятницкого песни хранятся в Центральном государственном архиве звукозаписей СССР. Здесь же находятся записи русских народных песен в исполнении самого Митрофана Ефимовича. Одна из них — впервые — публикуется на пластинке этого номера журнала.

С художественным руководителем Государственного русского народного хора имени М. Пятницкого, народным артистом РСФСР, композитором, членом оргкомитета по проведению в РСФСР Всесоюзного смотра самодеятельного художественного

творчества Валентином Левашовым наш корреспондент Г. Облезова встретилась по многочисленным просьбам читателей „КХС“, назвавших этот хоровой коллектив в ответах на вопросы анкеты „Песня-83“ наиболее популярным и любимым.

Корреспондент.

Валентин Сергеевич, хор имени Пятницкого готовится отметить свое 75-летие. Состоявшийся в Москве 2 марта 1911 года первый публичный «Концерт Митрофана Пятницкого с крестьянами Воронежской, Рязанской и Смоленской губернии» (именно так значилось в афишах) стал своего рода поворотным моментом в развитии нашей музыкальной культуры: в этот день родился новый жанр сценического искусства — народный хор. В наши дни количество участников народных хоров, профессиональных и самодеятельных, исчисляется тысячами, не говоря уже о многомиллионной армии поклонников этого жанра. И если обратиться к истории — каковы были основные этапы становления и развития хора имени Пятницкого, первого народного музыкального профессионального коллектива?

В. Левашов.

Я часто мысленно воображаю себе тот первый концерт, восторженное изумление собравшейся публики — а ведь это были не какие-то дилетанты от искусства: в зале находились Рахманинов, Шаляпин, Бунин, множество музыкантов, ведущие музыкальные критики. И то, что происходило на сцене, — хороводы, игры, пляски, поражающее благородство движений танцоров, их изумительная пластика, а главное, живое подлинное звучание песни, звучание жалеек, свирелей, дудок, гуслей — все это блестяще продемонстрировало неисчерпаемость таланта русского народа, таланта, которым обладают не единицы, а массы. Тысячу раз прав был Митрофан Ефимович Пятницкий, утверждая, что подлинные народные песни — сокровища, гениальные произведения, что «душа русского крестьянина вся отражена в песне, как в зеркале». Однако в те времена даже люди, олицетворяющие цвет музыкальной мысли, не могли в полной мере представить всю глубину и богатство того пласта музыкальной культуры, который предстояло поднять. И вообще, дело, которое затеял Пятницкий, было тогда не по силам одному человеку, даже такому энтузиасту, как Митрофан Ефимович. Но годы шли, близился Великий Октябрь...

Новый, качественно иной этап в жизни первого народного хора начался после встречи Пятницкого с В. И. Лениным. Владимир Ильич с полным пониманием отнесся к проблемам собиранья и сохранения народных песен, обещал помощь и поддержку. «И правда, Ленин помог, — пишет в своих воспоминаниях Пятницкий. — Мы стали везде и всюду выступать, пользуясь привилегией, ездили по провинции». Популярность хора быстро росла. Ведь это был единственный пока творческий коллектив, который на самом понятном и близком для них языке мог разговаривать с рабочими, крестьянами, солдатами — людьми, которые никогда раньше не переступали порогов концертных и театральных залов и теперь жадно устремились к знаниям и искусству.

Но в задачи хора входило не только пропагандировать ста-

ринную русскую песню. Новая жизнь влекла за собой и новые требования. Старые песни воспевали унылую крестьянскую судьбу. О событиях же иных, сегодняшних, песен не существовало, а они были очень и очень нужны. В конце 20-х годов в хор пришел композитор Владимир Григорьевич Захаров. Он, опираясь на мелодические и гармонические традиции народной песни, и создал первые произведения для хора на темы сегодняшнего дня. И вот актуальность содержания плюс огромный композиторский талант Захарова и талант такого поэта, как Исаковский, дали удивительные результаты. Не было, наверное, ни одного дома, где не знали бы песен «Вдоль деревни», «Зелеными просторами», «Провожанье», «Будьте здоровы!». Хор, носящий теперь имя своего основателя, превратился в своеобразный рупор «горячей» информации: в стране происходило какое-то важное событие — и буквально через несколько дней появлялась песня, этому событию посвященная. Она звучала по радио, записывалась на пластинку и становилась собственностью народа.

Началась Великая Отечественная война. Героическая летопись жизни советского народа нашла свое отражение и в творчестве хора. В эти годы было написано одно из самых прекрасных произведений Захарова «Ой, туманы...» — настоящий песенный шедевр.

...Еще в конце 20-х — начале 30-х годов произошли существенные изменения в организационной структуре хора. В его первом составе было всего 18 человек, каждый из которых пел, танцевал, играл на каком-то музыкальном инструменте, кто лучше, кто хуже... Потом коллектив стал расти «вширь и ввысь». Появилась самостоятельная танцевальная группа, основанная большим знатоком фольклора Т. Устиновой, — Татьяна Алексеевна руководит ею до сих пор. Появился оркестр русских народных инструментов, организованный В. Хватовым. В оркестр наряду с широко известными, традиционными русскими народными инструментами — баянами, балалайками, домрами — вошли инструменты из далекого прошлого России: жалейки, брелки, свирели, владимирские рожки, всевозможные гармони — саратовские звонкие с колокольчиками, печальные ливенки, «черепашки», помещающиеся на ладони... Неизбежной стала дифференциация: те, кто лучше пел, стали исполнителями хоровой группы, те, кто лучше танцевал, — танцорами, кто лучше играл, — оркестрантами. Такая специализация освободила сцену от бытовизма и примитива.

Конец 40-х годов и начало 50-х годов ознаменованы приходом в коллектив целого отряда авторов. Специально для хора пишут Ф. Маслов, Т. Хренников, Л. Книппер, Д. Львов-Компанец, С. Туликов. Теснейшее сотрудничество возникает с А. Новиковым. С. Кац никогда раньше не предполагал, что его песни будут звучать в исполнении хора имени Пятницкого, тем не менее наш коллектив дал им буквально новую жизнь.

В последующие годы расширились формы музицирования: уже не просто песня или песня с танцем, а вокально-хореографические композиции, своего рода сюжетный дивертисмент. Например, «Ивушка» — композиция, посвященная под-

вигу советского народа в гражданской и Великой Отечественной войнах; «Праздничная урожайная» — о сегодняшнем селе, «Поэма о Москве», «Здравствуй, Волга!»; «Расцветай, земля весенняя» — первое большое произведение о рабочем классе, построенное на мелодиях не крестьянского, а городского фольклора.

Корреспондент.

Фольклор изначально был основой основ всей творческой деятельности хора. И немалая заслуга в этом принадлежит П. Казьмину, одному из соратников М. Пятницкого и В. Захарова. А как обстоит дело сейчас? Существует ли в коллективе традиция передачи песенного наследия от поколения к поколению? И происходит ли регулярное обогащение новым фольклорным материалом?

В. Левашов.

Владимир Григорьевич Захаров записал от замечательных народных мастеров множество песен. При этом он с максимальной точностью передал их многоголосие, вариантность запевов, выбрал лучшие образцы текстов. На основе этих записей выпущены сборники, к ним в любой момент можно обратиться. Что касается нового материала, то мы пользуемся и услугами фольклорного кабинета Московской консерватории, и сами, не реже чем раз в год, осуществляем собственные фольклорные экспедиции. Но не отправляемся куда глаза глядят, а выбираем маршрут в зависимости от цели, от того, какую новую концертную программу готовим. Скажем, если мы собираемся делать программу, где по сценарию должно звучать несколько курских песен, то посылаем экспедицию в Курскую область. Придумали программу, где обязательно должна присутствовать «проголосная» (протяжная) песня, связанная с восстанием Пугачева, — ищем ее. Нужны кубанские песни, связанные, к примеру, с трудовыми праздниками, — едем на Кубань. Обычно мы записываем песни на магнитную ленту, затем переводим ее в нотный материал, по которому и происходит разучивание, потом показываем нашим артистам, как та или иная песня звучит в ее родных местах, осваиваем диалект. Более того, мы иногда делаем новые хоровые обработки песен, ранее исползовавшихся хором. При этом мы исходим из драматургии песни и возросших возможностей коллектива.

Если говорить о работах последних лет — мы вывели из Курской области пляску «Тимоня»; на элементах, которые бытуют в народных танцах Рязанщины, построен концертный номер «Рязанская змейка»; большая сюита «Калужские переборы» построена на фольклоре, песенном и танцевальном, Калужской области. То есть корни свои мы ни в коем случае не обрываем. Другое дело, что привлечение нового материала происходит не часто, и это зависит не столько от нашего желания, сколько от того, что новые программы создаются редко. Ведь большую часть времени — 6—8 месяцев в году — мы проводим в разъездах, гастролях. География маршрутов самая широкая, и тем не менее есть в нашей стране такие места, где мы еще ни разу не бывали. Поэтому стремимся показать ту или иную программу как можно более широкой аудитории и уж потом браться за следующую. Тем более, что программы у нас сложные, каждая создается по какому-то определенному общему идейному замыслу, каждая имеет сквозное действие. Не просто «Концерт хора имени Пятницкого», а, скажем, «Цвети, Россия!» или «На русских просторах» — вот я помню, мы разгулялись, как говорится, воссю: набрали массу интереснейшего материала, взяли самые-самые разные области и диалекты, показали, как поют сибиряки, уральцы, жители северных регионов, центральных нечерноземных районов...

Однако как ни заманчиво попробовать в народной песне и то, и это, разбрасываться все-таки нельзя. За годы существования хора имени Пятницкого сложился его определенный эталон, художественный образ и даже своя аудитория. Это касается любого народного хора: Воронежского, Северного, Уральского и так далее — у каждого свой зритель, предпочитающий именно те, а не иные песни, определенную традицию. Поэтому, и я не раз это замечал, если хор имени Пятницкого начинает петь что-то непривычное для его зрителя, в зале — явно ощущаемое недоумение: почему это вдруг звучит мордовская, бурятская или донская песня? Хор Пятницкого, в привычном, даже, может, излишне стандартном представлении, — это прежде всего области Центральной России. В то же время никого не удивляет, когда мы поем песни советских композиторов. Все давно привыкли, что хор имени Пятницкого — это коллектив, постоянно осваивающий современную советскую песенную тематику, прокладывающий в этом плане дорогу другим народным хорам.

Корреспондент.

Поначалу участниками хора Пятницкого были в буквальном смысле певцы из народа, люди, родившиеся и выросшие в деревне, с раннего детства, от бабушек и матерей перенимавшие старинную песенную культуру. Довольно скоро, однако, такая тенденция пополнения хора нарушилась, и сейчас любой музыкально одаренный человек может попробовать свои силы — принять участие в творческом конкурсе и, пройдя его, быть принятым в ваш коллектив. Не противоречит ли это самой сути народного хора?

В. Левашов.

Тут необходимо учитывать одно очень важное обстоятельство. Оно заключается в том, что народное пение не есть что-то придуманное кем-то. Это естественное, физически обусловленное состояние. Именно состояние — связок, резонаторов, то есть человек от рождения таков, он по-другому петь не может. Либо он поет в народной манере, либо в так называемой академической, оперной.

Мы при своем хоре создали студию, куда отбираем молодых людей с данными, необходимыми для работы в народном коллективе. Они три года учатся, живут рядом с нами, «варятся в нашем котле», затем опять-таки проходят отборочный конкурс, и выдержавшие его зачисляются в штат хора.

Корреспондент.

Существует ли у хора имени Пятницкого связь с самодеятельными народными хорами?

В. Левашов.

Самая тесная. Мы шефствуем над самодеятельным сельским народным ансамблем песни и танца села Шушенское Красноярского края, народными хорами Московского автозавода имени Лихачева, Челябинского тракторного и Ярославского шинного заводов. Любительский народный хор подмосковного совхоза «Белая дача» и народная хоровая студия совхоза «Лопатинский» Калужской области — тоже подшефные. Два раза в год на базе нашего хора проводятся творческие учебные семинары для руководителей всех этих хоров. Наши хормейстеры, концертмейстеры, хореографы и сами постоянно выезжают на места, чтобы помочь разного рода методическими советами. Кроме того, в городе Красноярске — наша постоянно действующая творческая лаборатория, где мы регулярно проводим занятия с организаторами и руководителями хоровых самодеятельных коллективов этого региона.

Корреспондент.

Валентин Сергеевич, где истоки лично вашего интереса к народному пению?

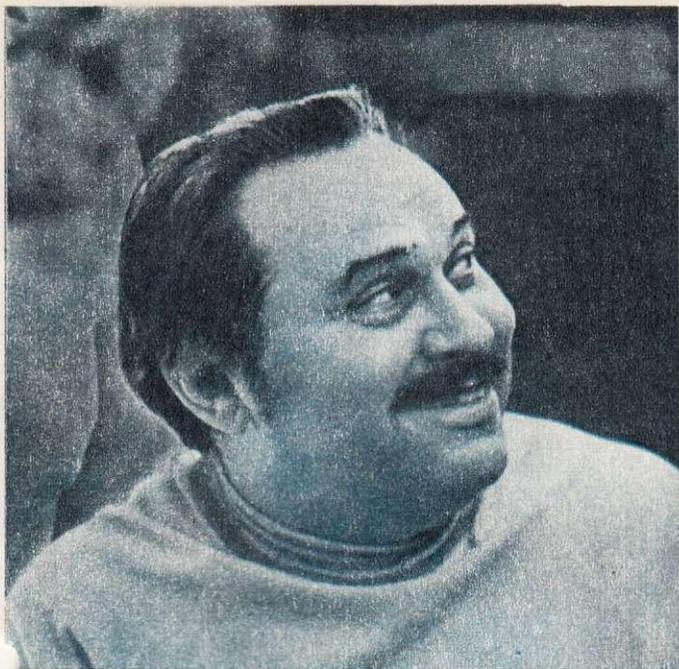
В. Левашов.

С народной песней судьба свела меня еще в раннем детстве. Мой отец был военным, мы часто переезжали с места на место и жили в основном в отдаленных гарнизонах Сибири, Прибайкалья и Забайкалья, Дальнего Востока. Эти края в 20-е — 30-е годы в музыкальном плане были настоящей неспаханной целиной: старинные народные песни звучали в своем первоизданном виде, их пели и старики, и молодежь, и они являлись той музыкальной культурной основой, на которой воспитывались люди. А уж красоты какой!.. Если бы мне сейчас сказали, что я вновь могу те песни услышать, я бы 200—300 километров пешком прошел, только бы их записать. И тогда, мальчишкой, я просто наслаждался деревенским пением, хороводами, плясками и не предполагал, что все это, к великому несчастью, уходящая культура и ее надо как-то зафиксировать, чтобы потом попробовать возродить...

Много лет спустя я вернулся в прежние места, сделал попытку найти тех людей, записать те песни. Но кончили мои старания плачевно: людей я не нашел — многие из них ушли в мир иной, другие разъехались, и так далее. А урбанизация и цивилизация сделали свое дело — я находил лишь остатки прежней песенной культуры, хотя, конечно же, и они представляют собой несомненный интерес и ценность. Но с точки зрения того, что я слышал в детстве и ранней юности, потеря, конечно, ужасная и многого уже не восстановишь...

Все-таки, повторяю, в 50-е годы мне что-то еще удалось записать. Тогда я работал с Сибирским хором и сделал много обработок народных песен, собранных в Сибири и на Алтае. Из тех, между прочим, записки родились песни «Сронила колечко» и «Вот кто-то с горочки спустился» — я рад, что сумел вытащить на свет незаслуженно забытое.

В тех моих поездках не обходилось и без казусов. Помню, как сейчас: две сестры Игнатовы, я прошу их спеть, долго прошу... Наконец они запели совершенно очаровательную песню, но со словами просто-таки уголовными. Я их спрашиваю: «А вообще, что вы любите петь?» Отвечают: «Каким ты был, таким остался», тогда это была очень модная песня. Я говорю: «Да вы знаете, что песня, которую вы мне только что спели, по музыке куда интереснее!» Они мне: «Да что музыка? Там слова плохие, а нам слова душевные нужны». Я

взял — и сам, первый раз в жизни, на их мелодию сочинил стихи. Спрашиваю: «Нравится теперь?» — «Нравится», — отвечают. И начали они петь старую песню с новыми словами. То есть жизнь музыки, как ни странно, гораздо длиннее жизни слов. Мы порой что-то напеваем себе под нос, насвистываем, а спроси, какие у этой песни слова, вряд ли ответим. А музыка живет где-то в нашей подкорке. Поэтому, мне кажется, ко многим прекрасным старинным мелодиям можно, не беспокоясь о нарушении каких-то канонов, писать новые хорошие стихи — и старая, забытая песня начинает жить заново. Не случайно ведь существует такая форма, как частушка, когда на одну мелодию «накручиваются» одно четверостишие за другим и ни у кого это не вызывает недоумения, никто не говорит, что это кощунство. Мне кажется, это один из возможных способов извлечь старую песню из небытия. Таких примеров можно привести множество. По этому принципу начинало формироваться после Великой Октябрьской социалистической революции наше современное песенное искусство; достаточно вспомнить хотя бы «Провожание» Д. Бедного и В. Буглая. И вообще, я считаю, что память о былом — это процесс активный, это «проникновение силой» с помощью сегодняшнего знания сквозь временные пласты к нашим корням, нашим истокам. И если мы все — артисты хора имени Пятницкого, его композиторы, музыканты — вносим свою лепту памяти, значит, не зря мы живем на свете.

Художественный руководитель хора В. Левашов.

Главный балетмейстер Т. Устинова.

Каждый рабочий день в редакции начинается с разбора читательской почты. Нам пишут о насущных проблемах своих, о бедах и радостях, о победах и поражениях, о статьях вышедших и... еще не написанных. Да-да, бывает и так: письмо подсказывает тему, становится отправной точкой для будущего журналистского выступления. Лучшие образцы эпистолярного жанра всегда находили свое место на страницах „КХС“. Сегодня мы открываем новую рубрику — вашу рубрику, уважаемый читатель. Периодичность появления „Часа письма“ в журнале, его насыщенность и увлекательность целиком зависят от вашей творческой активности. Ждем писем!

Читатель вспоминает

Песни, опаленные войной

Армейская самодеятельность... В запасной стрелковой дивизии, что стояла в Омске, в героические военные годы она бурлила, увлекая и будоража сердца бойцов, согревая души воспоминаниями об оставленном доме, зовя в сражение с врагом.

Репетировали обычно вечерами в длинной и просторной землянке, приспособленной под библиотеку. Танцоры хорошо знали, что особым успехом у зрителей пользовалась сибирская «шестера», в которой две тройки плясунов состязались в мастерстве. В каждой — разудалый парень с дивчинами под руку. Гармонист самозабвенно выводит «Подгорную», а тройки поочередно наплывают друг на друга, звонко выпевая злободневные частушки:

Гитлеру приснился сон, будто он...
Наполеон!
Нам тут нечего удивиться — идиоту все приснится!
Пишет девушке одной пулеметчик молодой:
Дескать, ты, моя душа, хороша, как ППШ!
На премьере танцевальному коллективу хлопали щедро и азартно. Не меньшим

успехом пользовались и вокалисты. Откуда только брались эти задушевные слова, сложные в бесхитростные песенные сюжеты? А мелодии — то мягко-напевные, то бравурные, к тому же несложные, легко запоминающиеся? Авторы обычно не объявляли. Вероятно, потому что это были коллективные творения — и тех, кто уже ушел с очередной маршевой ротой на фронт, и тех, кто пока еще был здесь, в запасе.

Всегда «бисировали» песню «У колодца»:

У зеленого кургана, за околицей села,
Из колодца утром рано воду девушка брала.

В этот час путем осенним, где туман вставал грядой,
В штаб бригады с донесеньем ехал конник молодой.

Как ведется у колодца перепутаны следы...

— Может быть у вас найдется для меня стакан воды?

Конечно же девушка любезно напоила молодого бойца и очень ему понравилась. После чего молодой конник:

Едет, точно по приказу, размышляя на ходу:

«Вот вернусь с войны и сразу эту девушку найду.

Сердце сердцу отзовется, вспомнив встречу прежних дней,

Только имя у колодца я забыл спросить у ней».

Зал никогда не оставался равнодушным. Сначала робко, потом смелей и смелей подпевали исполнителям.

Велика воспитательная роль армейской самодеятельности тех далеких тревожных лет. Почему бы не собрать хранящиеся в памяти еще многих живущих крупницы пусть иногда профессионально несовершенной, но такой нужной тогда музыки и не порадовать ветеранов милыми их сердцу воспоминаниями о былом? Уйдет героическое старшее поколение — перейдут в небытие и образцы фронтового песенного творчества. А ведь они порой содержательнее и романтичнее, чем некоторые современные (не в обиду будет сказано нашим поэтам и композиторам), нередко лишённые смысла, комбинации слов, положенные на громычающую музыку.

А. Пенькова,
бывший начальник библиотеки
запасной стрелковой дивизии
Ленинград

Читатель ставит проблему

Когда доход — в убыток

Уважаемая редакция! Работая директором небольшого Дома культуры, каждый день сталкиваюсь со многими разрешимыми и неразрешимыми проблемами. Об одной из последних не могу не написать — уверен, что она беспокоит очень многих моих коллег.

От нас, руководителей культпросветучреждений, требуют, и весьма строго, выполнения плана доходов по кино. И долгое время наш ДК его выполнял. Но какой ценой?! Вместо восемнадцати поло-

женных кинодней мы вынуждены устанавливать 25—27, то есть показывать фильмы во все дни недели, кроме воскресных.

У нас, как и у большинства клубов, нет отдельного кинозала. И получается, что почти все вечера наши площади заняты «под кино» — зал, прилегающее фойе, сцена, закрыт доступ к нескольким помещениям, приспособленным для кружковой работы. И это в те часы, когда мы должны предоставить посетителям разнообразные возможности для проведения досуга! Страдает клубная работа вообще, и особенно культурно-массовая. Негде проводить массовые мероприятия, нет возможности хорошо подготовиться к вечерам и концертам: те и другие выпускаются в сыром виде из-за того, что не было протонов и генеральных репетиций на сцене.

Беда еще в том, что «киноплановая нужда» заставляет нас показывать больше «кассовых» фильмов, преимущественно зарубежного производства. А они в большинстве своем не отличаются высокими художественными достоинствами, полны убийств, неприкрыто пропагандируют вещиизм и так далее. Хорошие же фильмы (советские и зарубежные) в «колыде» часто и не попадают. Заявки на них кинопрокат просто миноризирует, вероятно потому, что они заведомо не принесут ощутимых доходов. А те ленты, которые все-таки присылают по нашей заявке, интересны, как правило, немногим зрителям. И мы, когда запрашиваем такие картины, тоже знаем, что план на них не сделаем, но надо же как-то бороться за зрительские вкусы!

Формирование духовных потребностей — дело длительное и, увы, в данном случае противоречит нашим материальным интересам, ибо воспитание на хороших фильмах требует регулярного их показа. Без этого нельзя организовать каких-либо любительских объединений по кино, приобщить зрителя к подлинному искусству. Получается, что в погоне за прибылью мы ставим под удар главную нашу цель — воспитание активной жизненной позиции, высокой нравственности, широты кругозора наших посетителей.

В. Сергеев,
п. Озерки,
Калининская обл.

От редакции

Судя по читательской почте, вопрос, затронутый В. Сергеевым, действительно беспокоит многих руководителей клубов. В ближайшем номере журнала на страницах «КХС» выступит председатель Центрального Совета по кино ВЦСПС Е. Антипин. Редакция попросит его прокомментировать письмо из поселка Озерки.

Читатель предлагает

Студент учится, студент учит

Посылая бригаду студентов консерватории на шефский концерт 15—20 лет назад, мы большие думали о выполнении заявки, чем о существовании мероприятия. И отношение к таким концертам со стороны исполнителей было как к «принудилке»: проводились они крайне редко, а

значит с минимальной пользой, и непонятно зачем — подчас без публики, иной раз и вообще отменялись.

Естественно и закономерно пришло со временем решение направить энергию и талант будущих профессионалов на «возделывание слушательской целины». Стали проводиться лекции-концерты, вечера классической музыки, посвященные, например, юбилейным датам, и другие мероприятия. Хорошо, на наш взгляд, были задуманы «Музыкальные вечера для юношества», выездные лекции-концерты по русской, западноевропейской музыке, программы специально для детей: «Как слушать и понимать музыку?», «Знакомство с инструментами симфонического оркестра».

Традиционность такого рода деятельности не умаляет ее достоинств, она приносит пользу и исполнителям, и слушателям. Кроме того, на базе лекториев зародились прекрасные инициативы некоторых студентов. Например, на общественных началах осуществляется руководство музыкальными программами диско-клуба института иностранных языков имени Н. Добролюбова, читаются лекции о джазе, выступает студенческий ансамбль старинной музыки.

И все же КПД подобных мероприятий весьма низок. Так, упомянутые «Музыкальные вечера для юношества», состоявшиеся в отличном зале нашей консерватории, фактически, не собрали слушателей. Совсем небольшую аудиторию собирают «Среды в домишке Балакирева». Выездные лекции-концерты, проводимые от случая к случаю, — капля в море равнодушия людей к серьезной музыке.

Вместе с тем в преодолении слушательской неподготовленности к восприятию классики заинтересованы не только профессиональные музыканты. Один из наших самых надежных союзников в систематической, последовательной, широкой пропаганде классической музыки — клуб. Культпросветучреждения могут нас энергично поддержать в организации студенческого абонемента, который должен стать, по нашему мнению, стержнем профессиональной жизни студента наряду с экзаменами и зачетами. Причем клубы от такого сотрудничества только выигрывают.

Каким же представляется нам студабонет? Для начала пусть будет несколько площадок в культпросветучреждениях города, где посетители смогут прослушать цикл лекций-концертов, охватывающих определенный исторический этап развития музыкальной культуры. Стоя действия абонемента, скажем, год. Одна бригада музыкантов будет перемещаться по всем «площадкам» с определенной программой. Потом тематика выступлений будет последовательно расширяться, мы сможем охватить лекциями, концертами и учебные заведения, и учреждения, и предприятия города. О пользе такого рода деятельности не только в профессиональном смысле, но и воспитательном для студентов говорить не приходится, она очевидна. А клубы станут более целенаправленно вести пропаганду классической музыки. Таким образом, реализация нашей идеи даст возможность использовать огромный творческий потенциал консерватории (а в идеале всех учебных заведений, где готовят работников искусств) в интересах общества.

И. Касаткина, В. Колесников,
ст. преподаватели Горьковской
государственной консерватории

„Как на Анино рождение...“

В начале восьмидесятых годов в нашем коллективе заметно прибавилось молодежи. И отслужившие свой срок воины, и выпускники вузов, техникумов, ПТУ... В это же время уходили на пенсию многие кадровые рабочие. И климат на заводе стал меняться, причем, увы, не в лучшую сторону. Появились разобщенность, равнодушные к товарищам по работе, а это для коллектива в несколько тысяч человек — симптом опасный. Мы по опыту знали, как много значит, когда завод не кончается для тебя сразу за стенами проходной, когда связан с ним душой, дружескими связями, воспоминаниями. Чтобы объединить людей, да и просто познакомиться поближе, вывести за рамки формального общения, женсовет решил создать новый заводской праздник: нестандартный, торжественный, запоминающийся. Им стал ритуал именнаяречения детей наших заводчан.

Остановились на нем не случайно. В коллективе нашем преобладают женщины. Много молодых семей, а значит, и детишек. Сами понимаете, как важно, чтобы такое радостное событие, как рождение ребенка, и на работе твоей не прошло незамеченным. Готовились мы тщательно. Изучали опыт организации и проведения обрядов и ритуалов на других предприятиях республики. Рассказали о своей задумке работникам ДК имени Калинина. И они нас дружно поддержали. Совместно разработали сценарий. Выяснили, у кого из заводчан ожидается прибавление семейства. Договорились с поэтами, художниками, самодеятельными музыкантами и композиторами... Символом праздника, надолго закрепляющим его в памяти должна была стать памятная медаль «Рожденному — И. Йошкар-Оле». Нашелся и человек — Н. И. Бетренов, наш инженер, умевший на все руки, который согласился выполнить заказ.

В назначенный для праздника день ко Дворцу культуры имени Калинина подъехала кавалькада машин. Актовый зал буквально утопал в цветах. А малыши и подростки из близлежащих дворов несли все новые и новые букеты. Постарались и работники заводской оранжереи. Новый сорт нежных роз приготовили они для главной «виновницы» торжества — полуторамесячной Анечки, дочери Козловых — сборщицы цеха Юлии Федоровны и кузнеца Ивана Николаевича. Зал был украшен гирляндами, флажками, плакатами со стихами поэтов заводского литобъединения. Поздравить новорожденную пришел и детский самодеятельный хор... Вообще можно смело сказать, что не было на заводе человека, которого бы праздник оставил равнодушным. Прямо или косвенно, но участвовал в нем все. Одни в качестве оформителей, поздравляющих артистов, изготовителей подарков, другие — в качестве гостей...

После торжественной части Козловы вместе с дочкой, родными, соседями, товарищами по заводу (количеству приглашенных на подобных праздниках мы всегда оставляем на усмотрение самих юбиляров) направились в гостиную, где

руками наших мастериц была подготовлена выставка «Счастливое детство». Были там образцы предметов, необходимых для ухода за грудными детьми, специальная литература и... целый стол подарков. Козловы только руками развели. И действительно, щедрость наших людей, также как их любовь к детям, удивительна!

Анечка получила коляску, погремушки, плюшевого медведя и кукол, ползунки, вязаные кофточка, носочки, красочные книжки-раскладушки. А мама и папа — шарфы, вышивки, кружевную скатерть, сделанные женщинами в кружке «Умелые руки». А потом за огромным столом с самоваром началось чаепитие с ватрушками, пирогами, пряниками, домашним печеньем и вареньем. Помню, как со слезами на глазах благодарила присутствующих Юлия Федоровна: «Спасибо огромное. Мы с мужем постарались отплатить людям за их добро трудом и уважением. Как хорошо, что у Анечки столько друзей». Не смогли сдержать слез и многие наши работницы... Немало волнений и забот принес нам, организаторам и организаторам, этот праздник именнаяречения. Но было ясно — «первый блин» не вышел «комом».

Сама жизнь подсказывала нам «сюжеты» новых праздников. Пришла на завод пять лет назад Р. А. Мухина. Талантливый, ищущий инженер-конструктор, отзывчивый, доброжелательный товарищ. А муж Розы Алексеевны, Виталий Григорьевич, работал энергетиком в одном из заводских цехов. Сначала мы и не знали, что у Мухиных четверо дочек. Старшая, Светлана, — четвероклассница, а тройняшки Вера, Надя и Люба только пойдут в первый класс. Глядя на подтянутую, улыбчивую, увлеченную творчеством женщину, трудно было поверить, какой огромный груз ложится на ее плечи в быту. И нам очень захотелось порадовать эту семью.

Так родился новый праздник — близнецов. Устроили мы торжественные проводы девочек в школу. Зная, что тройняшки учатся музыке, на заводе, в цехе широкая потребность, изготовляющем игрушки, пригласили для них небольшой сюрприз — празднике каждой будущей первокласснице был вручен игрушечный роля «Малыш». Они сыграли, каждая на своем инструменте, песню «Пусть всегда будет солнце» и преподнесли гостям забавные фигурки из пластилина. Потом было детское театральное представление первоклассников «Веселый букварь». Анечка Козлова, героиня нашего первого общезаводского праздника (сейчас ей уже пять лет), вручила сестрам портфели и книжки. И конечно же мамы побаловали малышей домашними пирогами...

Сейчас на заводе отмечается ежегодно не менее тридцати новых советских праздников: именнаяречения, близнецов, первоклассников, молодой семьи, свадьбы — комсомольские, серебряные и золотые, посвящение в рабочие, проводы в армию, прощание с зимой... Праздники дворов и улиц. Готовимся отметить день бабушек и дедушек.

Получится ли праздник, сумеем ли мы не повториться? Не знаем... Но ясно: праздники нужны людям. Они делают их добрее и чище, омывают как родниковая вода.

Р. Осенкова,
председатель женсовета завода
полупроводниковых приборов
Иошкар-Ола

Читатель отвечает читателю

Дорогая редакция! Слышал я, что в Ленинграде существует «Домашний театр». Расскажите, пожалуйста, об этом творческом коллективе на страницах журнала.

Ю. Званцев,
г. Балхаш, Казахская ССР

Уважаемые товарищи! Моей подруге в Ленинграде удалось побывать на спектакле «Домашнего театра», в котором участвовали и дети и взрослые. Мы у себя предлагаем сделать то же самое, но нас не слушают, говорят, что это невозможно. Очень просим рассказать в журнале о «Домашнем театре», чтобы убедить сомневающихся.

Ученицы 9-го класса
Света Ольгаина, Катя Харитоновна
Вологда

Театру все возрасты покорны

Недавно я побывал в Ленинграде и, проходя по улице Ординарной, что в Петроградском районе, на доме № 8 увидел сделанную из железа фигуру моряка, смотрящего вдаль в подвornую трубу. Рядом висела афиша, из которой я узнал, что «Домашний театр» дает представление «Сказка о попе и работнике его Балде». В назначенный день и час пришел я в красный уголок ЖЭУ № 13. Первое, что поразило меня: ни один зритель — а собрались там люди всех возрастов, от пяти-шестилетних детей до пенсионеров — не ушел из зала, хотя начало спектакля задержалось на значительный срок из-за опоздания одного из главных героев. И на сцене выступали представители трех поколений: пожилые люди, взрослые и дети.

Я не театральный критик и, к сожалению, не могу детально разобрать достоинства и недостатки постановки. И все-таки рискну поделиться с читателями журнала своими впечатлениями от спектакля. Скажу сразу: мне он понравился, хотя не обошлось без накладок. Впрочем, то была премьера и организаторы заслуживали снисхождения. Манера игры любителей резко отличалась от игры профессиональных актеров. Ни в лучшую, ни в худшую сторону. Просто они играли по-другому, более насыщенно что ли.

Слово, жест, движение несли определенную смысловую и эмоциональную нагрузку. Исполнители удивительным образом дополняли и обогащали друг друга, создавая единый ансамбль. Каждый актер вел роль, подчиняясь своей возрастной логике. И получился прекрасный сплав детской непосредственности, юношеского скепсиса, уверенности и мудрости взрослых. Зрители в зале, начиная от самых маленьких и кончая пенсионерами, были очарованы зрелищем, живо и непосредственно реагировали на все происходящее на сцене.

Очень, на мой взгляд, хорошая идея — театр трех поколений. Идея, доступная

самодеятельному искусству, да и любому творческому коллективу — от театрального до кружка мягкой игрушки. Общие интересы делают друзьями людей разных поколений, сближают их, обеспечивают непрерывный воспитательный процесс без скучных назиданий и взаимного непонимания. Что и происходит в «Домашнем театре», который уже четыре года успешно работает под руководством Владимира Георгиевича Массальского. Коллектив этот растит не профессиональных актеров, а «профессиональных» зрителей, любящих и понимающих театр.

Увиденное в Ленинграде настолько запало мне в душу, что решил у себя, в Новосибирске, создать театр трех поколений. Хотелось бы поставить с моей будущей группой и драму, и трагедию, и комедию, и водевиль... Причем в каждой пьесе должны действовать герои всех возрастов. Но кто из драматургов возьмется за новое дело? Кто смелый?

А. Половцев,
геолог
Новосибирск

Читатель фотографирует

День 15 января 1984 года был отмечен знаменательным событием в жизни Дворца культуры имени Ленинского комсомола. В этот день горожане присутствовали при рождении нового коллектива

Сказка-балет «Буратино».

ва — хореографического театра «Нимфея». Руководители и организаторы «Нимфеи» — В. и Н. Кучинские — выпускники Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской. Свой первый сезон театр открыл сказкой-балетом «Буратино», в котором роли исполнили люди разных возрастов и профессий. Лягушат танцевали младшие школьники, Буратино — третьеклассница Наташа Котлова, Карабаса-Барабаса — электросварщик Олег Кунавин, Тартиллу — учащаяся Архангельского культпросветучилища А. Гардинова. У нового театра много творческих планов: поставить хореографические спектакли «Три поросенка», «Дюймовочка», а также подготовить композицию «За мир».

Г. Кривошенин,
Северодвинск,
Архангельская обл.

Читатель интересуется

Дорогая редакция! Подскажите, пожалуйста, где можно приобрести кукол для детского театра?

Г. Ишбердиев,
г. Поронайск, Сахалинская обл.

Комплекты кукол высылает магазин ВТО. Его адрес: 103009, Москва, ул. Горького, 16/2.

А. Антокольский

А. Аскеров, М. Леснов

Строгая тишина

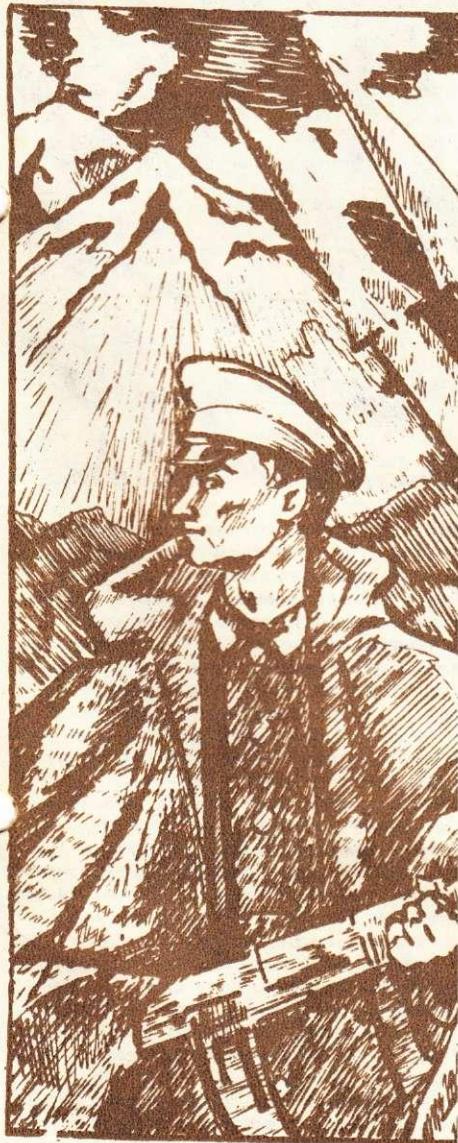
Пьеса в одном действии

— Пьеса повествует о тревожной жизни Государственной границы нашей Родины. Описываемые события, — рассказывает А. Антокольский, — не просто плод авторского вымысла в тиши кабинета. Они — результат моих наблюдений во время шефских поездок на заставы советской границы. И знаете, часто бывает, что, попав через год-полтора на заставу, где уже довелось быть, повстречав тех же самых ребят, с которыми знакомился в прошлый приезд, видишь, насколько они выросли, возмужали. Граница действительно воспитывает человека, предъявляет к нему самые высокие требования.

Мне думается, что моя пьеса вполне по силам школьникам старших классов или учащимся ПТУ, многим из которых через год-другой предстоит надеть армейскую форму, и, может быть, именно с зелеными петлицами пограничников.

Видимо, работая над спектаклем, постановщикам не следует стремиться воспроизвести на сцене экзотику южной границы. Дело не во внешних атрибутах. Главное — как, впрочем, и в любом произведении о Советской Армии — становление характеров, воспитание личности. И как бы ни казалось заманчивым сделать акцент на детективной стороне этой истории — как-никак, в пьесе представлены наши враги, нарушители, диверсанты, — сюжет не должен отвлек внимание актеров-любителей и постановщика от главного содержания спектакля: многодневной и кропотливой работы, которую ведут командиры и политработники погранвойск с каждым воином, которому выпала честь оберегать рубежи Родины. Ведь пограничниками не рождаются...

Мы рекомендуем самодеятельному коллективу, который возьмется за работу над «Строгой тишиной», подготовить ее ко дню торжественных проводов призывников в Советскую Армию. И еще один совет: в работе над спектаклем могут оказать добрую помощь ветераны-фронтовики, сотрудники военкоматов, а также те, кто недавно демобилизовался после действительной службы в пограничных частях.

Дело и видимость дела

Сценарий эстрадного представления для агитационно-художественных коллективов

Дело не обыденное —
Наше Деловидение.
Коллективный мы берем подряд —
Высказать порезче
Острый взгляд на вещи,
Яростный агитбригадный взгляд...

Читатель, видимо, уже догадался, что эта игра слов «деловидение» — «телевидение» — не случайна. Предлагаемый сценарий позиционировал свои формы у телерепортажа. Ну и конечно, «прямая передача», в которой предстоит выступать агитбригадчикам, окрашена в контрастные сатирические тона.

Тема разговора — показуха, очковтирательство, пренебрежительное отношение к своим производственным обязанностям — словом, все то, что мешает нам нормально трудиться, а следовательно, и хорошо жить.

Авторы объединили в одной композиции несколько сюжетов. Каждый из них может существовать и как самостоятельная агитационно-сатирическая пятиминутка. Все фрагменты агитпрограммы написаны таким образом, что в них постановщик и артисты смогут добавить или «вмонтировать» местный злободневный материал.

Текст в той редакции, в которой он подготовлен для распространения, рассчитан на исполнение в клубе или Доме культуры. Однако, как и большинство программ для агитколлективов, его легко трансформировать для работы «на выездах». Например, ремарка предусматривает затемнение на сцене. Во время исполнения на полевом стане, или скажем, в цехе затемнение можно заменить хотя бы «хлопушкой», вроде той, что используется на киносъемках...

Авторы ввели в число персонажей трех «телеоператоров». Их, конечно, может быть и меньше. Нужны же они для того, чтобы, разместившись среди публики, дополнительно оживить представление, проакцентировать те или иные его моменты, при этом, разумеется, не отвлекая внимания зрителей от основного действия. Режиссер-постановщик также может, если сочтет нужным, вовлечь и аудиторию в действие, провести совместное «угадывание» находящихся в зале отрицательных персонажей.

В. Сидоренко

М. Варфоломеев

М. Коломенский

Кресло

Пьеса в одном действии

— Мелкий честолюбец со способностями, но без характера, ничем не лучше способного циника, жадного до власти во имя денег,— бросает на прощанье своим подчиненным Яков Гаврилович Бабушкин, руководитель небольшого конструкторского бюро.

Упрек этот звучит несколько неожиданно. Ведь на первый взгляд в пьесе В. Сидоренко никаких драматических событий не происходит, нет бурной сшибки характеров, контрастного противопоставления добра и зла. Ее герои — обычные сотрудники обычного учреждения, занятые вполне прозаической работой... Правда, сорокалетнюю Таисию Мартымяновну кроссворды волнуют, похоже, чуть больше, нежели ее служебные обязанности. А юная Люда Анцыгина столь же охотно употребит рабочее время на покупку губной помады под новый туалет. И честолюбие молодого Демы Будникова, и цинизм вполне зрелого Леонида Хмелецкого — какие-то подчеркнуты мелкие, будничные, и оттого не очень настоящие. Казалось бы, день, прожитый ими на сцене, не вырастает даже до размеров ожидаемого зрителем драматического анекдота.

Главный смысл пьесы — в ее подтексте. Сквозь нарочитую будничность, заурядность, доведенную до гротескного обобщения, отчетливо просматривается гражданственность позиции автора. Он словно выстраивает в единый синонимический ряд такие понятия, как серость, отсутствие интереса к работе, и потерю гражданственности. Несмотря на кажущуюся спокойность интонации, «Кресло» будоражит читателя, заставляет задуматься: откуда, почему появляются люди, по собственной воле записавшие себя в разряд «лишних»? Что им мешает полноценно трудиться и жить?

Виктор Сидоренко не дает прямого ответа на эти вопросы. Цель пьесы иная — помочь каждому из нас еще раз взглянуть на себя со стороны...

Приговор

Пьеса в одном действии

«Пьянству — бой!» — говорим мы. Однако задумаемся: всегда ли мы ведем этот бой действительно. Часто ли нам удается разбить противника наголову?

Между тем любому руководителю предприятия, цеха или хозяйства пьяницы и выпивохи, как говорится, вот где сидят!

А что, если допустить, что и в самом деле нашелся один председатель колхоза — в пьесе М. Варфоломеева его зовут Иван Ильич Топорков, — который решил объявить любителям зеленого змия борьбу не на жизнь, а на смерть. Именно на смерть... Перестрелять их всех паразитов бесстыжих!..

Сказано — сделано. Провел Иван Ильич соответствующее решение через сельсовет — чтоб все законно было! — прихватил с собой заряженное ружье и отправился к вечно хмельному Степану Говоркову...

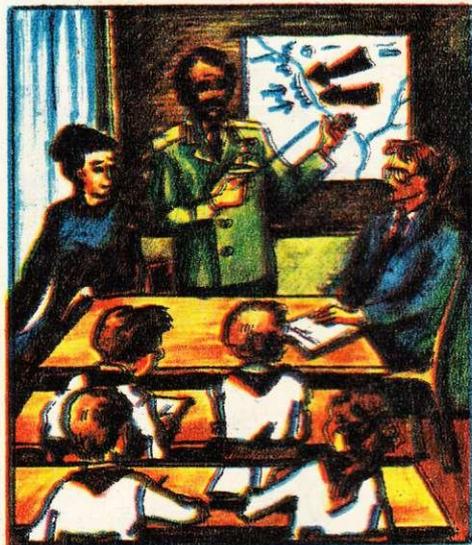
Чепуха, скажете вы. Так не бывает.

Действительно, не бывает. Права такого не дано никому, и люди воспитаны у нас в уважении к законам. Иван Ильич о смертоубийстве не помышлял. Но до самого конца пьесы мы об этом не знаем, как не знает и непутевый, протрезвевший от такого поворота дел Степа Говорков. А потому и ведет себя соответственным образом...

Мы умолчим о том, какой выход из сложившейся им ситуации — в традициях жанра — нашел драматург. Самодеятельные актеры, которые возьмутся сыграть комедию, узнают о нем, прочитают ее, а зрители — посмотрев спектакль.

Пионерская заставка

Одноактная пьеса

Эта пьеса будет хорошим подспорьем в военно-патриотической воспитательной работе с ребятами младшего и среднего школьного возраста. Автору удалось убедительно и понятно рассказать о бедности, которая с детства вырабатывается у жителей пограничных районов, передать тревожную атмосферу будней границы. При этом язык пьесы прост и естествен; в ней много понятного школьникам юмора, точно схвачена детская психология.

Сыграть этот спектакль вполне смогут ребята из 5—7-х классов. А с обязанностями режиссера, при отсутствии профессионального культпросветработника, справится пионервожатый или даже старшеклассник, имеющий опыт работы в школьном театре. Небольшое число действующих лиц, простота декораций позволяют поставить спектакль за короткий срок. Например, начать работу сразу после заезда ребят в пионерский лагерь, с тем, чтобы премьера состоялась до конца смены.

Необходимое оформление наверняка помогут сделать ребята из кружка «Умелые руки». «Пограничный столб», «забор» и «сторожевую будку» можно изготовить из фанеры или даже из картона. «Сторожевая вышка» — одна или две стремянки, тоже обшитые картоном.

Пьесы и сценарии, рекомендуемые самодеятельным коллективам в этом выпуске, репертуарно-редакционные коллеги Министерства культуры СССР и РСФСР рассылают по всем научно-методическим центрам страны.

Если же заинтересовавшей вас пьесы в вашем ОНМЦ не окажется: пьеса «Пионерская заставка» имеется во Всероссийском Центральном научно-методическом центре имени Н. К. Крупской,

остальные можно выписать по адресу: 103012, Москва, проезд Сапунова, 6, «ВААП-Информ». Расчетный счет № 608408 в Ленинском отделении госбанка — объединение «ВААП-Информ».

— Значит, так, товарищи. Первое, о чем я вас прошу, — обращать особое внимание на словесное действие. Мы не раз говорили о том, что речь, слово — основное средство сценической выразительности. Через него можно передать все. Но для этого за каждой фразой должна быть мысль. И эта мысль сначала должна родиться у вас и уж потом, в свою очередь, породить слово или поступок. Вот этот процесс зарождения мысли, а затем слова — самое интересное в сценическом действии. Если его нет — актер работает впустую. Если же зритель его ощущает — тогда каждое слово актера становится выразительным, емким и действенным.

Каждая сцена, каждый эпизод спектакля требуют глубокого проникновения в сущность происходящего. Чтобы взволновать зрителя, вы должны сами понять, почувствовать, пропустить через себя события начала Великой Отечественной войны, о которых рассказывает пьеса. Только тогда зритель вам поверит.

— Вячеслав Иосифович, а не слишком ли у меня Чернов получается прост? Может быть, он должен быть хитрее?

— Дело не в том, будет ли он у вас хитер более или менее. Важно, чтобы он не стал мелок. Ведь отрицательный персонаж тоже должен быть по-своему масштабен — иначе он не сможет заинтересовать зрителя, ибо исчезнет глубина конфликта. А мы знаем, что такие люди — пусть их было немного — опасность представляли серьезную. Более того — они не исчезли с тем временем, они, к сожалению, существуют и сегодня. Следовательно, и конфликт пьесы остается актуальным по сей день.

— То есть, рассказывая о событиях Великой Отечественной войны, мы все равно должны говорить со зрителем как бы о делах сегодняшних?

— Это самое важное. Ни в коем случае нельзя ставить спектакль как иллюстрацию, как памятник тому времени — даже самому героическому. Все происходящее на сцене должно обязательно тем или иным образом перекликаться с нашим сегодня, чтобы взволновать человека, который сейчас сидит в зрительном зале. И потому необходимо, чтобы каждый из нас,

прежде чем работать над ролью, определился: а зачем мой персонаж существует сегодня? Что он может сделать полевого или, наоборот, равоблачить, высмеять? Короче — что вы хотите сказать зрителю своей ролью, исполнением той или иной сцены?

...Разговор этот произошел в начале этого года, на репетиции народного театра Дворца культуры московского металлургического завода «Серп и молот» — одной из первых репетиций пьесы В. Розова «Вечно живые»; спектакль этот коллектив театра посвятил 40-летию Победы. Нет, видимо, нужды пересказывать содержание пьесы — она достаточно известна; скажем лишь, что на репетиции разбирались сцена, когда администратор филармонии Чернов приходит к врачу Бороздину, чтобы выключить у того для нужд филармонии госпитальную машину. В разговоре участвовали: руководитель народного театра и режиссер спектакля Вячеслав Иосифович Юрченко, инженер В. Пацап (Бороздин) и рабочий А. Кустов (Чернов) — они работают на «Серпе и молоте».

Что же это за коллектив — народный театр «Серпа и молота»?

В марте прошлого года ему исполнилось 60 лет. И 58 из них он связан тесной дружбой с коллективом Государственного академического Малого театра СССР.

О том, как начиналась эта дружба, вспоминает почетный председатель художественного совета народного театра народная артистка РСФСР Варвара Александровна Обухова:

— В 1925 году в Малый театр пришли рабочие завода «Серп и молот» и сказали: «Товарищи! Мы теперь работаем по-новому. Пришла новая жизнь Хотим быть культурными. Возьмите над нами шефство». И наши «старики» — в среди них были такие замечательные артисты, как Южин, Остужев, Садовский, Пашенная, Турчанинова, Рыжова — с радостью согласились. Стали выезжать в цехи, рассказывать про Малый театр, его традиции, потом ставили с участниками цеховой самодеятельности небольшие отрывки, водевили, сами много показывали,

Не торопись прожить мгновенье

читали... Мы, тогда молодежь театра, учащиеся его школы-студии, с радостью помогали. Потом, когда в репертуаре драматического кружка уже появились небольшие спектакли, которые можно было показывать на публике, рабочие стали выступать с ними на сцене клуба имени Астахова, находившегося тогда на территории завода. И это было очень интересно, потому что мы видели, как постепенно растет рабочий человек. И сегодня, если бы наши «старики» пришли на любой спектакль народного театра «Серп и молот», они бы решили, что это сказка.

Когда завод выстроил прекрасный Дворец культуры, старый драмкружок превратился в студию, а вскоре и в народный театр. В разное время здесь преподавали такие замечательные мастера Малого театра, как Н. Рыбников, В. Пашенная, К. Зубов, А. Грузинский, Е. Велихов, Б. Бабочкин... Но даже те, кто не принимал непосредственного участия в шефской работе, тоже не выпускали из поля зрения наших «подопечных», постоянно спрашивали меня: «Ну как там у вас на «Серпе»?», старались помочь подсказкой, добрым советом.

И все же, мне кажется, главное в нашей дружбе с рабочими-любителями не в том, что мы учим их сценречи, сцендвижению, помогаем ставить спектакли... Главное в другом. В свое время Михаил Семенович Щепкин сказал, что искусство тогда велико, когда оно ярко, содержательно и правдиво. Этот завет стал основой творчества всех великих мастеров русского театра, таких, как Мочалов, Ожин, Ленский, Ермолова, Садовские... Пришло время, когда его, как эстафету, приняло наше поколение. Мы считали своим святым долгом пронести его через всю жизнь и передать следующим — тем, кто идет за нами. И надо сказать, что В. Юрченко, художественный руководитель народного театра, сам окончивший школу Малого, ученик В. Пашенной, глубоко воспринял этот завет, и во всех спектаклях, идущих на сцене «Серпа и молота», он звучит — ярко, содержательно и правдиво.

— Как строится наш репертуар? — говорит В. И. Юрченко. — Естественно, прежде всего мы, как и в каждом театре, оцениваем пьесу с точки зрения ее содержания. Насколько нужна она именно сегодня нашему зрителю — рабочим завода, жителям окрестных микрорайонов. Насколько высок ее идейно-художественный уровень, воспитательный заряд. Но не менее важно и то, справятся ли с ней коллектив театра. Есть ли у нас актеры, которые смогут сыграть ту или иную роль.

Конечно, особое внимание мы уделяем современной советской пьесе. Что может больше волновать и зрителей, которым адресуется спектакль, и самих участников постановки, чем наша сегодняшняя жизнь? Потому что в нашем репертуаре появились такие произведения, как, скажем, «Ситуация» В. Розова. Нам показалось, что проблемы, которые поднимаются в этой пьесе, — проблемы взаимоотношений между молодым поколением рабочих и представителями старой рабочей гвардии — особенно близки нам, заводскому театру. Мы знали, что в разных театрах эта пьеса трактовалась по-разному и некоторые трактовки вызвали не совсем лестные оценки, но мы сделали свой вариант, и спектакль получился у нас острым, современным. Кстати, одну из главных ролей в нем исполнял актер Малого театра, теперь уже заслуженный артист республики Г. Оболонский. И это тоже было полезно для всего нашего коллектива, придавало особую ответственность всей работе.

А к XXVI съезду КПСС мы поставили, например, пьесу Ю. Черняка «Присяжем перед дорогой». В ней также поднимаются проблемы сегодняшнего дня, острые, интересные и опять-таки близкие именно нашему театру, нашему зрителю. Премьера состоялась как раз в день открытия съезда, и было приятно, когда на обсуждении представители парткома завода подчеркнули, что спектакль получился актуальным, партийным.

Обращаемся мы, разумеется, и к классическому репертуару. И прежде всего, отдавая дань традициям Малого театра, которые считаем в какой-то мере и своими, не можем пройти мимо творчества Островского. Театр играл многие его пьесы: последняя работа — спектакль «Не все коту масленица», поставленный к 150-летию со дня рождения великого русского драматурга — остается в нашем репертуаре по сей день. Думаю, не надо много говорить о том, насколько важна для любого театра классическая драматургия, какая это огромная и незаменимая школа мастерства для самодельных актеров.

Конечно, сейчас самая большая наша задача и забота — достойно подготовиться к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Мы решили поставить к этой знаменательной дате два спектакля: «Нашествие» Л. Леонова и «Вечно живые» В. Розова.

Должен сказать, что когда этот вопрос обсуждался в коллективе (а выбор пьесы для постановки мы всегда осуществляем сообща), то по поводу первого произведения возникло немало споров. Высказывались мнения, что пьеса эта уже отзвучала, устарела, стала в какой-то мере даже архаичной, звучит сегодня наивно и так далее. Я неожиданно для себя вдруг выяснил, что большинство споривших — люди, родившиеся уже после войны — прекрасно зная историю, хронологию событий военных лет, не очень хорошо представляют себе атмосферу, душевный настрой людей сорок первого, их необыкновенное единодушие и веру в победу. И я постарался убедить сомневавшихся, что эту пьесу сегодня ставить необходимо. Потому что в ней, написанной в те годы, по горячим, что называется следам, остро чувствуется подлинная правда той поры: удивительное, непоколебимое ощущение оптимизма, уверенности в победе, веры в правоту своего дела, в то, что дело социализма не может быть побеждено никогда, ни при каких обстоятельствах. И это несмотря на то, что действие пьесы происходит, пожалуй, в самый тяжелый для нашей страны период, во время битвы под Москвой.

Мы не случайно хотим поставить два спектакля к 40-летию Победы. Пьеса В. Розова, рассказывающая примерно о том же времени, написана, как известно, несколько позже, со взглядом уже, я бы сказал, обработанным временем. И поэтому, показав живое, непосредственное восприятие тех событий в «Нашествии», мы хотим как бы осмыслить, обобщить происходившее в «Вечно живых». Таким образом, две эти постановки должны стать, по нашему замыслу, своеобразной диалогией, дополняя друг друга и вместе создавая некий единый образ тех героических лет.

Однако вернемся к нашей репетиции. Прошло несколько месяцев, вчерне спектакль был готов, начались прогоны. Как обычно, Малый театр помогал своим подшефным: один из прогонов проводил режиссер Малого театра, заслуженный артист РСФСР Б. А. Львов-Анохин.

Когда репетиция окончилась, мы попросили Бориса Александровича высказать свое мнение.

— Подытоживая, я могу утверждать, что у коллектива есть все верные наметки к тому, чтобы спектакль состоялся, — сказал режиссер. — Данную репетицию я посвятил тому, чтобы убедить самостоятельных актеров не торопиться играть результат. Должен сказать, что недостаток этот чрезвычайно характерен не только для любителей, но и для профессиональных актеров. В современном театре цена каждой минуты сценического времени невероятно повысилась, и искусство актера в значительной мере определяется тем, насколько полно, насыщенно и с пользой для создаваемого образа он эту минуту проживет. В частности, говоря о разобранном нами отрывке, актер, играющий администратора, ни в коем случае не должен заранее знать, что у него ничего не выйдет из затеи с госпитальной машиной. Иначе он не сможет исчерпать до конца все возможные действительные ходы, чтобы добиться своей цели, и сцена много от этого потеряет. Ведь у него есть обоснованная надежда, что он добьется своего! К. С. Станиславский говорил: «Играть плохого человека, ищи, где он хороший». Перефразируя эту формулу, можно сказать: играя мелкого негодяя — а Чернов, конечно, мелок, — ищи, в чем масштабен. В данном случае, наверное, в том, что он искренне уверен в своем благородстве по отношению к Бороздину и соответственно в своем праве на ответную благодарность. И потому он не так быстро от этой надежды отказывается, он борется за нее до самого конца, всеми доступными способами — которые мы в процессе репетиции и разобрали.

В свою очередь, Бороздин не должен с самого начала знать, что к нему пришел негодяй, и пришел с неблагоприятной целью. Как всякий хороший человек, он и доверчив, и деликатен. И реагировать определенным образом он начинает лишь с того момента, как убеждается в корыстности намерений гостя.

Понятно, что коллектив в своем спектакле хочет не только показать события тех лет, но и осмыслить их. Только не следует забывать о том, что это осмысление должно происходить у актеров, а не у изображаемых ими персонажей. Вот, мне кажется, в чем тут дело. И если это удастся, то оно произойдет и у зрителей — через созданные актером образы. Ибо тогда и разобранная нами сцена, и весь спектакль зазвучат в полную силу, и зрители увидят столкновение довольно сложных и посвоему крупных характеров.

Запись репетиции отрывка, с которого начинается рассказ о народном театре «Серп и молот», вы можете услышать на второй вкладной пластинке этого номера.

МЫ ИЗ ОКТЕТА

Репетиция...

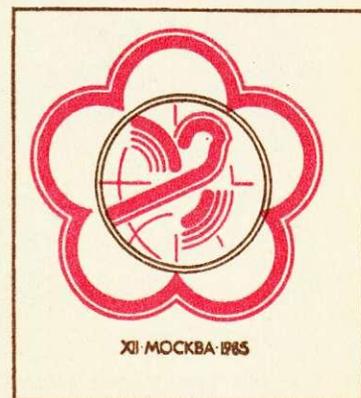
Зрители после концерта.

Фрезеровщик И. Дымов на репетиции и в цехе.

Инженер В. Сидоровский — один из ветеранов октета.

Художественный руководитель октета, заслуженный работник культуры РСФСР Е. С. Сидорова.

Эмблема XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

МЫ ИЗ ОКТЕТА

Мужской вокальный октет под руководством заслуженного работника культуры РСФСР Екатерины Сергеевны Сидоровой впервые вышел на сцену 27 лет назад в канун проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Жюри присудило самодеятельному коллективу Дворца культуры автозавода имени И. А. Лихачева звание лауреата, каждый участник был награжден золотой медалью. В первом составе октета встретились молодые рабочие разных специальностей: слесарь А. Аникин, фрезеровщик И. Дымов, токарь В. Кудрявский, разрисовщик Ю. Миронов, техник Э. Насыров, электрик В. Сидоровский, садовод Г. Танасогло, мастер А. Федюкин.

Артистизм, певческая культура, мастерство пришли не сразу. Нужен был настойчивый труд, постоянное стремление к совершенству, неудовлетворенность достигнутым. Добивались единства звучания голосов, широкого дыхания, плавного звуковедения, хорошей дикции и чувства ансамбля. Увлеченность в работе, большая требовательность к себе — вот что отличает участников этого маленького коллектива. За три, без малого, десятилетия в октете произошли изменения, однако, постоянно выходят на сцену — И. Дымов, В. Кудрявский, В. Сидоровский, большой стаж у Е. Холоднова, В. Ларцева.

Репертуар коллектива ежегодно пополняется и расширяется; его основу составляет советская песня, ярко отражающая современную действительность. Многие исполняемые октетом произведения вошли в золотой фонд Всесоюзного радио. Издательство «Музыка» выпустило два сборника «Родина» и «Курганы» из репертуара коллектива.

Октет участвовал во многих конкурсах и смотрах, неоднократно награждался дипломами, кубками, грамотами, медалями.

Дм. Ухов,
 музыковед

После бала...

То, что бал (точнее, бал-маскарад) окончен, кажется, ни у кого не вызывает сомнения. Явный застой и творческое измельчание западной поп-музыки* чуть ли не по всем «параметрам» предельно очевидны. Симптомы плачевного состояния налицо: так, например, о своем банкротстве объявляет один из двух ведущих журналов, в течение многих лет регистрировавших события на рынке грамзаписи, — «Рекорд Уорлд». Статистика при этом утверждает, что любители поп-музыки снова, как и в 50-е годы, стали покупать не «престижные» долгоиграющие пластинки, а дешевые «сорокапятки». Показателен и такой факт, поразивший даже буржуазных музыкальных критиков: явно за неимением ничего лучшего читатели одного из ведущих музыкальных журналов Англии «Мелодии мейкер» признали ведущей группой года заурядный во всех отношениях ансамбль «Джем». Это уже прямое отражение кризиса, к которому пришла и молодежная рок-музыка.

В чем же причина упадка легкого музыкального жанра на Западе?

Прежде всего, нельзя не вспомнить известное положение Маркса о том, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии». И если в противовес этому положению западные критики выдвигали доводы о повсеместном расцвете поп-музыки в конце 60-х — начале 70-х годов, то нелишне еще раз уточнить, что последняя — как и вся массовая культура — является не столько областью духовного производства, сколько индустрией, подчиняющейся всем законам капиталистической формации.

Действительно, в самом начале экономического кризиса, охватившего все без исключения капстраны, в области развлечений царило прямо-таки лихорадочное оживление; не будет особым преувеличением сказать, что «в субботу вечером» дискотеки лихорадило в том же ритме, в каком ежедневно — с понеделника по пятницу — лихорадило валютные биржи. В 1973—1974 годах — в период острейшего экономического спада на Западе, доходы от продажи грампластинок достигали рекордных цифр. И тут уместно напомнить: в период кризиса 1929—1932 годов, как известно, американцы чаще, чем когда-либо до этого, ходили в кино, а еще ранее Луначарский поставил знак равенства между «искусством развлекающим» и «искусством отвлекающим».

Но на этот раз кризис оказался затяжным — и это не могло не сказаться на поп-музыке: рынок оказался перенасыщенным еще со времен ее расцвета, а покупательная способность населения, в первую очередь молодежи (как известно, процент безработных среди молодых людей особенно высок), все время падает... Однако еще более значимым окажется тезис Маркса о враждебности капиталистического производства известным отраслям производства духовного, если мы от «количественных параметров», перейдем к «качественным», то есть к содержательной стороне массово тиражируемого буржуазного искусства. Не составит большого труда обнаружить простой и характерный факт: фирмы грамзаписи, входящие в состав более крупных монополистических образований, вполне естественно, стремятся подвести под общий знаменатель любые товары, выбрасываемые на рынок. Например, общим знаменателем танцевальных ритмов и модного кроя одежды явился пресловутый «диско-стиль», коль скоро производство синтети-

ческих тканей, грампластинок и электронно-звуковой аппаратуры контролируется, субсидируется и опекается зачастую одним владельцем контрольного пакета акций. Так, фирма «Колумбия» — это звено «Си-би-эс», американская развлекательная империя братьев Уорнер — часть химической «Корпорации Кинни», а европейская «Полиграм» входит в коалицию концернов «Сименс» и «Филипс».

Именно стремлением затушить эту четкую взаимосвязь между большим бизнесом и выбрасываемой на коммерческий рынок так называемой «поп-культурой» и вызвано появление пресловутой легенды о «свободе творчества» на Западе.

Рассмотрим пример такого любопытного феномена культуры современного буржуазного общества, как рок-музыка, — пожалуй, наиболее сложного, нежели все иные, направления поп-музыки. Основной парадокс этого направления как раз и заключается в том, что будучи по происхождению чем-то вроде молодежного фольклора больших городов, рок-музыка существует на практике только в системе буржуазно-монополистической массовой культуры. Для того чтобы обратиться к своим слушателям, рок-артист не может не пройти «огонь, воду и медные (позолоченные.— Д. У.) трубы» массовых коммуникаций, предварительного отбора дискжокеев, менеджеров, продюсеров, рекламных агентов, которые, разумеется, никогда не вложат средства в тех, кто не устраивает их не только и даже не столько с коммерческой, сколько с идеологической точки зрения.

Историческое «стечение обстоятельств», приведшее к возникновению внутри традиционной системы развлечений, в частности поп-музыки, движения Молодежного песенного протеста и его основной «ударной силы» — рок-музыки, еще недостаточно изучено.

Важно подчеркнуть, что даже на фоне относительного экономического благополучия начала 50-х годов «дети» почувствовали, что мир их «отцов», каким он представлял в тогдашней популярной песне («счастливые люди со своими счастливыми проблемами») — так определил свою продукцию один голливудский магнат), насквозь фальшив. «Дети» попытались противопоставить этому миру буквально первое, что подвернулось под руку, — ту же песню, музыку, ставшую, благодаря НТР, неотъемлемой спутницей сегодняшнего быта. Но из всего того, что звучало вокруг, американские подростки ухитрились выбрать — и не только, как говорится, из духа противоречия — как раз то, чего либо совсем не знали, либо стыдились их родители, — песни «кухаркиных детей» — городских негров («ритм-энд-блюз») и белой «деревенщины» («кантри»). Особую роль сыграло то обстоятельство, что эти блюзы и баллады, сохранившие основные эстетические принципы народного искусства — фольклорную непосредственность обращения к аудитории, побуждали молодых людей к сотворчеству, участию в исполнении — сочинять песни, петь их и аккомпанировать себе мог один и тот же человек — и таким образом давали выход юношеской энергии.

И вот лирический герой негритянских блюзов — маленький человек, затерянный в «асфальтовых джунглях» большого города, потерявший связь с традициями и не видящий будущего — впервые стал объектом массово тиражируемой продукции и привлек внимание широкой слушательской аудитории. И хотя первые рок-н-роллы (такое название получил со временем «ритм-энд-блюз» в исполнении белых музыкантов) с их незамысловатым содержанием в целом-то не шли дальше «подростковой тематики», монополии, ведающие этими самыми развлечениями, совершенно справедливо увидели уже в самом факте того, что молодежь слушает и поет другие песни, подсознательный протест. И сделали все возможное для того, чтобы конфликт социальный, пусть не осознанный самими авторами-исполнителями, представить как извечное столкновение «детей и отцов», мол, новые времена — всегда новые песни. И горечь первых разочарований от соприкосновения с жестокой реальностью, проскользнувшая было в некоторых рок-н-роллах 50-х годов, была трансформирована опытными ремесленниками в недовольство «недобором» материальных благ, доступных только «взрослым».

Если в своем «Летнем блюзе» Эдди Кокран пел:

Целое лето трудился, чтоб хоть доллар заработать.
 Решил пожаловаться конгрессмену,
 а он — в ответ мне:
 Уж больно молод ты, сынок,—

то буквально в пик Кокрану самые, наверное, известные профессиональные поставщики песенок в духе рок-н-ролла Либера и Столлера сочинили для вокального ансамбля «Джей и американцы» (!) шлягер «Только в Америке» («такой простой парень, как я, может добиться всего, и твоей любви»). Именно таким образом — вышибая клин клином — на протяжении всей истории рок-музыки буржуазная культура будет бороться с

* Для простоты картины поп-музыкой мы обозначаем современную массовую музыкальную культуру стран Запада. О том же, что на Западе массовая культура и культура масс — это не одно и то же, неоднократно писалось в советской печати, в том числе и в «КХС» (см., например, № 8 за 1976 г.).

ее критическим пафосом, подделываясь под стиль, язык, вкусы, настроения, идеи молодых...

Когда уже никакие средства не могли замаскировать искусственности и заданности такого, поддельного, рок-н-ролла, в США этот жанр на некоторое время уступил место так называемому движению «фолкников», пусть несколько книжному, но все же достаточно искреннему стремлению восстановить распавшуюся было в эпоху маккартизма связь времен с «красными тридцатыми». Многим, возможно, памятен успех боевой шахтерской песни «16 тонн». Не случайно в «черные списки» были занесены авторы и исполнители старых и новых песен — Вуди Гатри, Пит Сигер...

Более 20 лет назад английская молодежь впервые обратила внимание на квартет из Ливерпуля под названием «Битлз». Рок-н-ролл «выжил» за океаном, в Великобритании, на этот раз уже в виде вокально-инструментального ансамбля — прежде всего, благодаря тому, что нашел поддержку не только со стороны простых парней, в которых судьба четверки музыкантов вселяла надежду, что и сами они когда-нибудь сыщут «местечко наверху» (пользуясь названием известного романа той поры). Это музыкальное направление вызвало сочувствие и поддержку также со стороны так называемых «рассерженных молодых людей» — британской творческой интеллигенции, которая тоже почувствовала себя не в ладах с буржуазным обществом.

Однако и в 60-е годы рок-музыка оставалась всего лишь составной частью всей массы музыкально-эстрадной продукции Запада, но в то время, несомненно, самой, а возможно и единственной, прогрессивной ее частью. Именно вторая половина 60-х годов — период активных политических выступлений молодежи Запада — породила и «золотой век» рок-музыки: поднимающиеся до высот серьезного искусства вокальные циклы «Битлз», уходящие в толщу народного творчества суровые баллады Боба Дилана, его выступления в сопровождении рок-группы вызвали целое течение «фолк-рок» и заставили чуть ли не всех видных рок-артистов впервые призадуматься над тем, о чем, собственно, они тогда пели. Активное неприятие буржуазной действительности можно услышать в песнях Джима Моррисона и в мрачном неистовстве электронных экспериментов Джими Хендрикса, в пении Дженис Джоплин.

Впрочем, исторические подробности этого периода достаточно хорошо известны и в комментариях не нуждаются. Важно выделить, пожалуй, лишь то, что дельцы и это увлечение смогли направить в русло буржуазной массовой культуры, создав комплекс молодежной поп-моды, в которую вписалась и «битломания» — рекламная шумиха вокруг «Битлз» и других новоиспеченных бит-групп, которых представили публике как очередных эстрадных кумиров наподобие Фрэнка Синатры, Элвиса Пресли, Клиффа Ричарда и так далее.

Выглядевшая как увлечение простонародное, чуть ли не «пролетарское», «битломания» на деле была порождением массовой культуры, увидевшей в молодежи, кроме всего прочего, и новый рынок сбыта: «молодые во всем разбираются меньше, и поэтому покупают больше», — признался один бизнесмен. Фактически же основной движущей силой битломании явилась мелкобуржуазная прослойка западной молодежи, конформизм которой представлял собой анархический бунт «философов в осьмнадцать лет», которым «труд упорный тошен».

Спад молодежного движения к началу 70-х годов оказался только на руку поп-музыке, тем более что сама идейная эволюция рок-музыки представляла для этого благодатный материал — в частности, в виде появления «хард-рока», то есть рока «тяжелого», «жестокого». Многоотной артиллерией аппаратуры, крайне упрощенными и однообразными ритмами, паническими выкриками, за которыми уже невозможно разобрать слов, рок-поколение 70-х, оставшееся без своих лидеров-экстремистов (большинство последних лишь воспользовалось молодежным «бунтом», чтобы начать благополучную политическую карьеру), один на один с экономическим кризисом, пыталось заглушить в себе страх перед будущим. Нагнетая атмосферу безотчетного ужаса (тексты песен, если в них разобьются, населены исключительно тем, чем можно напугать нормального человека), хард-рок апеллирует к атактическому чувству ребенка, оставшегося без света, без ориентиров.

Буржуазная критика пыталась объяснить популярность и живучесть хард-рока его якобы «рабочим» происхождением, приписывая таким образом народу самые примитивные вкусы, однако исследования объективно настроенных западных социологов (например, известного рок-критика Саймона Фрита) показали, что рабочая молодежь предпочитает использовать

легкую музыку по ее основному назначению — в качестве развлечения. В то же время лучшие произведения рок-артистов становятся подлинно боевым оружием прогрессивных слоев молодежи. Как правило, произведения эти питаются своими корнями из чистых родников народной культуры. Такова песня Леннона «Дайте миру шанс», которая, в сущности, имеет с рок-музыкой весьма мало общего, это просто марш с хорovým припевом, то, что принято называть массовой песней. Не случайно член компартии Великобритании рок-артист Роберт Уайат в поисках репертуара обращается к знаменитой кубинской «Гуантанамере».

В поисках позитивного начала рок — в который уже раз — вновь обращается все к той же народной музыке, лежавшей когда-то в его основе. К началу 80-х годов в Великобритании нарастает увлечение стилем «реггей». В песнях «цветных британцев», в первую очередь выходцев с острова Карибского моря, «новая волна» увидела то, чего всегда недоставало року, в частности по-фольклорному прочного взаимодействия текста и напева. Но главное в другом: в реггей, что называется, слово с делом не расходятся, содержание этого жанра — призыв к непосредственному участию в жизни своего народа, требование открытой политической борьбы. Недавние волнения в пригородах Лондона и позднее в Ливерпуле — самое яркое тому подтверждение.

Член исполкома компартии Великобритании Дэвид Кук писал в журнале «Проблемы мира и социализма» о молодежных волнениях начала 80-х: «Естественно, что именно молодежь, которой приходится чаще других сталкиваться с полицией, оказалась на переднем крае борьбы. Анархической? Да! Негативистской? Да! Индивидуалистской? Да! Но тем не менее — борьбы». Именно эти характеристики как нельзя лучше подходят и для описания рока «новой волны».

Есть в нем и позитивные моменты, например борьба с расизмом, обострившимся в последние годы и нередко принимающим организованно-фашистские формы.

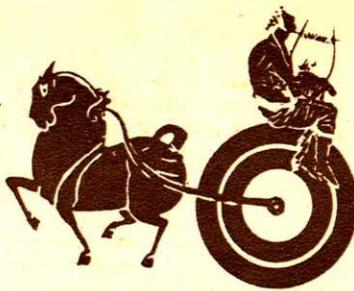
Прямое тому подтверждение — «смешанные» составы рок-групп стиля «реггей» («ЮБ 40», «Бит», «Спешизлз», в которых коренные и «новые» британцы работают бок о бок. Фактически движение, прзднее объединенное общим названием «рок против правых» и перешагнувшее государственные границы Великобритании, осознало себя именно в борьбе с расизмом. И не в музыкальном стиле, но в общей духовной направленности этих песенных движений следует искать «связь времен».

Однако «новая волна» еще раз продемонстрировала, что рок — отнюдь не однородное в идейном отношении культурное явление. Значительная часть «новой волны» оказалась охваченной рецидивом той болезни, которая давно уже преследует интеллигенцию буржуазного общества и которая передается юным артистам из «дворовых команд», как только они начинают ощущать себя «жрецами муз». Болезнь эта — социально-эстетический анархизм, на деле оборачивающийся не протестом, а мелкобуржуазностью.

И конечно же тут как тут бизнесмены, предлагающие, под видом новой волны, очередные модные новинки — например, некоего «Адама-муравья». Перед «Адамом» была поставлена задача вновь привлечь внимание подростков к «искусству одеваться» (то есть опять же помогать сбывать продукцию монополий), поэтому «муравей» на сцене не столько пел, сколько переодевался. Впрочем, как и о всякой «новинке», о нем забыли сразу же с наступлением нового сезона. Однако постоянная борьба со вселивыми монополиями, способными в лице тех же «адамов» вывернуть наизнанку любые благие намерения, все еще мало чему научила музыкантов рока, возникшего когда-то как прогрессивное движение. В поисках противодействия коммерции, за редким исключением, рок предпочитает, так сказать, борьбу в одиночку, обращаясь к своим внутренним резервам, к собственной истории (не случайно процветают разнообразные реставраторы старого рок-н-ролла), а не к передовым идеям своего времени, не к жгучим проблемам современности.

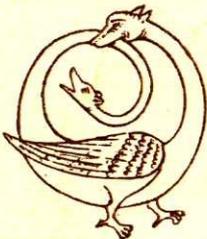
И поскольку в поп-музыке Запада сегодня спрос явно превышает предложение (в одном Нью-Йорке, например, на 22 тысячи членов профсоюза музыкантов приходится менее сотни заведений, которые могли бы предоставить им работу «по специальности»), рынок завоевывают только те, кто высчитывает (говорят, не без помощи компьютерного анализа) некое «среднеарифметическое», которое должно понравиться сразу всем. В моде разного рода «гибриды», «скрещивания», «сплавы», состоящие из невообразимого числа компонентов — тут и африканские барабаны, и кельтская арфа, и джазовые импровизации, и попури из классиков. Это действительно нравится всем сразу — и никому в отдельности. Поэтому все быстрее стареют модные мелодии, все чаще и чаще сменяют друг друга шлягеры, все дороже оказывается плата (нередко — взятка) за первые места в списках бестселлеров...

ДИСК КУРЬЕР

МЕТРОНОМ

Спор-клуб

В ДiskoКурьере идет интересный, полезный спор о дискотеке. Хочу высказать и свое мнение. Итак, что же такое дискотека? Не пытаюсь даже найти четкое определение этого явления (слишком много более крепких копий ломалось в дискуссиях на эту тему), скажу только, что дискотека — это праздник. То есть должна быть праздником, но вот станет ли — зависит от нас, ее организаторов. И я протестую даже против термина «типовая дискотека», предложенного В. Собчаком («КХС», 1984, № 1). Типовой проект, здание — да, но типовая дискотека? Нет! Дискотека — это прежде всего поиск, новые идеи, творчество, а они не могут быть типовыми. Иначе это просто — «сегодняшклубетанцы».

Может быть, из-за такого подхода, против которого я выступаю, и происходит, часто поминаемое на протяжении всей дискуссии снижение творческого потенциала многих, многих коллективов? В январе этого года принимала участие в Ивановской областной творческой лаборатории, посвященной проблемам повышения идейно-художественного уровня дискотек. Было много бесед, споров, выступлений. О чем же говорили сами дискотечники? О ставках, количестве посетителей, звуковой аппаратуре, лазерах, видеомагнитофонах, меньше — о сценариях, программах и совсем ничего — о том молодом человеке, что приходит к нам, о том, как же

люди. Мне, конечно, возразят — да всюду ли таких найдешь? Отвечу, причем вовсе не в полемическом запале: если не находится такой руководитель, то и дискотеки не надо. Не надо тиражировать при помощи мощной дискотечной техники убожество, низкий куль-

турный уровень, мещанство. Лучше меньше, да лучше!

Н. Кривошеина,
художественный руководитель
дискотеки «Резонанс» профессионально-
технического училища № 9
Кострома

Консультации

А. Тарасенко,
старший методист
Черниговского ОНМЦ

Стоп-кадр

Поет

Ирина Архипова

Думается, что мало кто из наших исполнителей, и не только в жанре классической музыки, может сравниться с Ириной Архиповой по количеству грамзаписей. Их более 40! Целая фонотека, в которой широко представлена мировая и едва ли не вся русская и советская музыка для меццо сопрано. Поэтому разговор с И. К. Архиповой посвящен разнообразным аспектам работы над грамзаписью.

— **Ирина Константиновна, каковы причины, побуждающие вас уделять столь пристальное внимание записи на пластинки?**

И. Архипова.
Их довольно много. Но если говорить об основных, я бы назвала следующие. Во-первых, грамзапись — это популяризация музыки, которую я люблю. Многие ли могут попасть в Большой театр, или, скажем, на концерт в Зал имени Чайковского в Москве? Пластинки же слушают тысячи. Во-вторых, это интересно и творческая работа. И, наконец,

женный прием критики. Расскажите, пожалуйста, об этом диске.

И. Архипова.

Да, это одна из лучших оперных записей. В 1974 году диск завоевал сразу несколько наград. Он был удостоен международных премий во Франции и Японии, а за партию Марфы мне был вручен «Золотой Орфей» имени Ф. Хелди — отдельный приз за лучшее исполнение женской партии в опере. «Хованщина» — очень интересная пластинка и по своей идее. Это не студийная запись и не запись по трансляции. Опера записывалась со сцены Большого театра, но при пустом зале. Замысел заключался в том, чтобы использовать замечательную акустику Большого театра. Это была очень большая, трудная работа. Надо было преодолеть множество препятствий даже и чисто организационного порядка при таком большом составе исполнителей, как в «Хованщине». Но успех пластинки оправдал все затраты сил, нервного перенапряжения.

— **Не повлияло ли на ваше исполне-**

КАК усовершенствовать диапроектор

Значительным недостатком диапроекции является видимая на экране смена диапозитивов, что значительно отвлекает внимание зрителей от основной информации, «засоряет» ее. Устранить досадный дефект можно только одним способом — использованием двух проекторов одновременно. Смена диапозитива осуществляется при включенной лампе, скажем первого аппарата, в то время, когда изображение на экран проецируется со второго, после чего проекторы меняются ролями.

Перед работой проекционные поля обоих диапроекторов совмещают, при проецировании изображения на экране плавно переходят одно в другое — меняются способом «наплыва». При этом во время переключения напряжения на проекционных лампах следует изменять плавно — от нуля до номинального, и наоборот (через специальный блок тиристорных регуляторов). Такая двухканальная диапроекция дает возможность получить массу интересных эффектов, которые можно рассматривать как художественные средства диапроекции. Это, например, получение комбинированного экранного изображения, состоящего из двух отдельных изображений, или превращение позитивного изображения в негативное или соляризованное. Это достижение иллюзии меняющегося освещения (скажем, один и тот же объект сфотографирован при солнечном освещении и при пасмурной погоде, плавной

мы собираемся его воспитывать средствами дискотеки, не столь уж слабыми кстами.

Нехитрая арифметика: если этот самый молодой человек проводит в дискотеке в среднем 3 часа в неделю, то за год выйдет 150 часов. Приличная цифра! Что же получит наш средний посетитель за это время? На той же Ивановской лаборатории я задала вопрос руководителям других дискотек: «Какой процент в ваших программах составляет классическая музыка?» И услышала: «Молодежь классику не принимает! Они не за то платят деньги, чтобы в дискотеке изнывать от классической музыки!»

У тех, кто должен нести культуру в молодежную среду, не хватает собственной культуры. Как же тогда воспитывать в дискотеках?

Все-таки, думаю, выходы из этого круга есть. Необходимы энергичные действия. Подготовка дискотечных кадров всеми возможными формами обучения. Пропаганда опыта работы лучших дискотек и дискотек страны. Чаше проводить конкурсы сценариев и опять-таки лучшие распространять — хотя бы для учебы. Строже контролировать назначение руководителей дискотек — это должны быть образованные, зрелые идеи, обладающие подлинной культурой

грамзапись — то, что остается навсегда.

О великих голосах прошлого мы знаем по легендам, воспоминаниям современников. Даже если говорить о Шалапине, Неждановой, Собинове, какое-то представление об их мастерстве у нас есть, но оно очень приблизительно. Если честно признаться, прослушав какую-нибудь несовершенную запись этих исполнителей, мы можем даже удивиться — а почему им такие дифирамбы поют?.. Очень грустно, конечно, что в их время техника была еще так несовершенна... Но вот мне повезло однажды: я нашла в Лондоне пластинку с записью Неждановой 1910 года (может быть, и у нас в архиве есть эта запись, не знаю). И когда прослушала пластинку, то услышала настоящую Нежданову и тогда только поняла, почему о ней так восторженно говорили. Это было удивительное звучание! Оказывается, она пела тогда, много десятилетий назад, так, как сейчас должны петь, — округлым, большим, ярким голосом. Ее современники на той же пластинке поют совершенно в иной манере. То есть Нежданова предвосхитила вокальную школу будущего!

— Сейчас переиздана в виде фрагментов запись оперы Мусоргского «Хованщина», в свое время вызвавшая востор-

ние отсутствие в публички! Ведь при этом не было и эмоционального контакта со слушателем, о котором часто говорят их исполнители.

И. Архипова.
При высоком уровне профессионализма исполнение без публички, в студии, и при публичке, в театре, не должно слишком разниться. А качество самой записи конечно же выигрывает от отсутствия публички. Ведь при трансляции на запись накладываются все шумы зала. Кроме того, в обычном спектакле у актера бывают и ошибки: и в тексте, и в звуке иногда. Для пластинки же, как известно, записывают не один вариант и выбирают лучшее.

В записи «Хованщины» очень много интересных звуковых эффектов: уходящий хор, постепенно удаляющееся и приближающееся пение, даже шум воды в сцене «Гадание Марфы». Попробуйте зафиксировать этот звук при трансляции! При таком обогащении режиссерской палитры специфическими возможностями звукозаписи художественный образ получается более ярким.

Ирина Архипова. Арии и сцены из оперы Мусоргского «Хованщина» С 10—17 799—800. В сценах заняты солисты ГАБТа СССР В. Пьявко, А. Масленников, В. Тугаринова, А. Огнивцев.

сменой слайдов на экране, впечатление выходящего из-за тучи солнца и так далее). Наконец, можно получить эффект наезда — отъезда, плавно сменяя несколько изображений, с укрупнением объекта съемки, и наоборот, создать бликующие эффекты (мигание молнии, сверкание блестящих предметов, эффекты отблеска костра) и еще многое другое.

Преимущество системы из двух проекторов и в том, что лампа накаливания работает в более благоприятном режиме, что значительно удлиняет срок ее службы.

Еще более богатыми возможностями обладает система из трех аппаратов: кроме проекции основной программной информации, можно демонстрировать множество разнообразных световых эффектов, сконцентрированных в 3-м канале и способных придать программе определенную динамичность, обогатить изобразительную палитру. 3-канальная диапроекторная система представляется автору этих строк оптимальным вариантом, так как большее число каналов не добавляет существенных преимуществ, но значительно усложняет управление.

(Продолжение. Начало см.: «КХС», 1984, № 9)

Почтовый ящик

Просим рассказать, существует ли какая-либо организованная помощь в снабжении дискотек грампластинками.

Совет диско-клуба «Зодиак», Свердловск

Для решения этого вопроса Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия» разослала во все Дома грампластинок, их филиалы и фирменные магазины специальное письмо «О работе с дискотеками» (№ 4334-7/22-18 от 03.12.80). В письме, в частности, говорится о необходимости «...обеспечить дискотечные центры и организации, возглавляющие работу дискотек, всеми имеющимися в Домах информационными материалами», определить на местах «...одна — пять дискотечных центров, которые будут обеспечиваться по одному экземпляру всеми интересующими их грампластинками (из числа получаемых домо-м)». Приобретение — как за наличный расчет, так и по перечислению. При отсутствии фирменных магазинов поручить одному из опорных магазинов обеспечение дискотечных центров грампластинками».

В 1983 году в стране функционировало 24 Дома грампластинок, обслуживающих различные регионы страны. Дальневосточный (г. Хабаровск), Северо-Кавказский (г. Ростов-на-Дону), Западно-Уральский (г. Пермь), Белорусский (г. Минск), Среднеазиатский (г. Ташкент) и другие. К Центральному Дому грампластинок в

столице «приписаны» 16 областей РСФСР, Молдавская ССР и Мордовская АССР.

Где можно узнать о новых записях фирмы «Мелодия»? Фирма издает специальный «Информационный список новых грампластинок» с данными дисков, которые начнут выпускаться с определенного квартала. Выходит он за несколько месяцев до начала данного квартала.

Все фирменные магазины, а также специализированные магазины имеют эти информационные списки и принимают предварительные заказы на новые диски.

С 1979 года фирма издает ежеквартальный каталог-бюллетень «Мелодия», поступающий в розничную торговлю и распространяемый по подписке (индекс 70472). В нем содержится тот же материал, что и в квартальных информационных списках новых грампластинок. Кроме того, помещаются статьи о технике звукозаписи, об авторах, исполнителях и так далее.

Материалы о новых грампластинках публикуются в газете «Советская культура», в молодежных газетах («Московский комсомолец», «Смена» и др.), в журналах «Советская музыка», «Музыкальная жизнь», в рекламном журнале «Новые товары».

Грампластинки можно приобрести и по почте, наложенным платежом. База Посылторга Министерства торговли РСФСР — единственная организация, занимающаяся пересылкой пластинок по индивидуальным заказам, составляет свой каталог грампластинок, предлагаемых для продажи (кроме лицензионных, импортных и гибких). Каталог, содержащий около двух тысяч номеров дисков, в том числе несколько сотен записей текущего года, рассылается узлам связи и всем почтовым отделениям Советского Союза.

Адрес базы: Московская область, 143360, г. Апрелевка, ул. Ленина, д. 4.

При выделении средств на приобретение грампластинок в гарантийном письме следует указать общее количество грампластинок, их стоимость, адрес диско-клуба, фамилию, имя, отчество лица, ответственного за получение заказа. На бланке заказа следует писать только номера грампластинок по каталогу Посылторга, требуемое количество, стоимость одного экземпляра и стоимость заказанного числа экземпляров. Название грампластинок в заказе указывать не нужно.

Клуб
и художественная
самодетельность

15

(645)
АВГУСТ
1984

ЧИТАЙТЕ И СЛУШАЙТЕ

К 40-летию Великой Победы

Воспитывать правдой 1
Кондратьев В.,
писатель

Советский клуб сегодня и завтра

Веление времени 4
Никонов И.,
заместитель заведующего
культурно-массовым отделом ВЦСПС

Труд — единственная мера

6
Климов Е.,
член-корреспондент Академии
педагогических наук СССР

В поисках личности

8
Бирюкова С.,
и. о. доцента кафедры оркестрового
дирижирования Тамбовского
филиала МГИКа

Клуб растит культпросветчика

9
Гуревич Е.,
художественный руководитель
московского Дома культуры
«Компрессор»

Воспитание многогранности

10
Плотников Н.,
директор череповецкого Дворца
культуры и техники металлургов

А я вижу его таким

10
Крацов Г.,
слесарь-инструментальщик ПО
«Гомельдрев»

Изучаем опыт

Пока эксперимент 11
Пуйдокас А.,
заведующий отделом культуры
Каунасского горисполкома

Производственная проблема в клубном «зеркале»

13
Сапунова Н.,
заведующая
отделом Дома культуры и спорта
Гомельского химического завода
имени 50-летия СССР
Каган Ф.,
заведующая клубом завода
станочных узлов
Золотова Т.,
наш спец. корр.

Родники

Праздники в Коломенском 16
Соколовский Б.

Он был первым...

18
Дорофеев В., Нигматуллина З.,
научные сотрудники ЦГАЗ СССР

Народный, музыкальный...

19
Левашов В.,
народный артист РСФСР,
художественный руководитель
Государственного русского народного
 хора имени М. Пятницкого

Час письма

Песни, опаленные войной 22
Пенькова А.,
бывший начальник библиотеки
запасной стрелковой дивизии

Когда доход в убыток 22
Сергеев В.

Студент учится, студент учит 22
Касаткина И., Колесников В.,
ст. преподаватели Горьковской
государственной консерватории

«Как на Анино рождение...» 23
Осенкова Р.,
председатель женсовета

Театру все возрасты покорны 24
Половцев А.,
геолог

**Репертуар. Репертуар.
Репертуар** 25

Студия
**Не торопись прожить
мгновенье** 27

Львов-Анохин Б.,
заслуженный артист РСФСР,
режиссер Малого театра

Обухова В.,
народная артистка РСФСР
Юрченко В.,
режиссер народного театра
ДК завода «Серп и молот»

Фотоочерк
Мы из октета
Кун С.

Метроном
После бала... 30
Ухов Дм.,
музыковед

ДискоКурьер 32

Для клубных вечеров

1. Вячеслав Кондратьев. «Память»

Мы часто говорим: память о войне. А какой должна быть она, эта память? Думается, мысли, высказанные писателем-фронтовиком В. Л. Кондратьевым на вкладной пластинке номера, окажутся близкими многим читателям «КХС».

Родники

2. «Пятницкий и русская песня»

На этой пластинке читатель найдет две записи, связанные с именем Пятницкого. Первая сделана еще в 1910-е годы на фонографе. На второй — песня В. Левашова «Поет гармонь на перекрестке».

Театральная мастерская 3—4. «Уроки мастера»

На пластинке представлен фрагмент работы над спектаклем по пьесе Виктора Розова «Вечно живые» в народном театре московского завода «Серп и молот».

«Художественная самодетельность» 1984, № 15